

INSPIRIA

18+

ШКОЛА ХОРОШИХ МАТЕРЕЙ

ДЖЕССАМИН ЧАН

INSPIRIA

Джессамин Чан

Школа хороших матерей

Серия «Loft. Женский голос»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69580306

Школа хороших матерей: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-187306-6

Аннотация

Антиутопия, затрагивающая тему материнства, феминизма и положения женщины в современном обществе. «Рассказ служанки» + «Игра в кальмара».

Только государство решит – хорошая ты мать или нет!

Фрида очень старается быть хорошей матерью. Но она не оправдывает надежд родителей и не может убедить мужа бросить любовницу. Вдобавок ко всему она не сумела построить карьеру, и только с дочерью, Гарриет, женщина наконец достигает желаемого счастья. Гарриет – это все, что у нее есть, все, ради чего стоит бороться.

«Школа хороших матерей» – роман-антиутопия, где за одну оплошность Фриду приговаривают к участию в государственной программе, направленной на исправление «плохого» материнства. Теперь на кону не только жизнь ребенка, но и ее собственная свобода.

«"Школа хороших матерей" напоминает таких писателей, как Маргарет Этвуд и Кадзуо Исигуро, с их пробирающими до мурашек темами слежки, контроля и технологий. Это замечательный, побуждающий к действию роман. Книга кажется одновременно ужасающе невероятной и пророческой». – VOGUE

Содержание

1	7
2	41
3	68
4	96
5	118
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Джессамин Чан

Школа хороших матерей

Моим родителям посвящается

Я хотела найти один закон на все случаи жизни, а нашла страх. Список моих кошмаров – карта, указывающая путь, которым можно выйти

отсюда.

Анна Карсон «Плейнуотер»

Jessamine Chan

THE SCHOOL FOR GOOD MOTHERS

Copyright © 2020 by Jessamine Chan

This edition published by arrangement with DeFiore and Company Literary Management, Inc through Andrew Nurnberg Literary Agency

Jacket design by Grace Han

Jacket art by wacomka/Getty Images

© Крылов Г., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

– У нас ваша дочь.

Первый вторник сентября, начало очень плохого дня, и Фрида пытается совсем не съехать с дороги. В голосовой почте полицейский требует, чтобы она немедленно приехала в отделение. Она, не сбрасывая сообщения, кладет телефон. Часы показывают 2:46 дня. Она собиралась вернуться домой полтора часа назад. Она сворачивает с Грейс-Ферри на боковую улицу и останавливается во втором ряду, потом перезванивает и начинает извиняться, объясняет, что потеряла счет времени.

– Она в порядке?

Полицейский говорит, что ребенок в безопасности.

– Мадам, мы бог знает сколько времени пытаемся до вас дозвониться.

Она отключается, звонит Гасту, ей приходится оставить сообщение. Он должен встретить ее в отделении полиции на углу Одиннадцатой и Уартона.

– Проблема. Это связано с Гарриет. – У нее перехватывает голос. Она повторяет слова полицейского, что их дочь в безопасности.

Тронувшись с места, Фрида напоминает себе, что не должна превышать разрешенную скорость, не ехать на красный, дышать. Весь уик-энд Дня труда ее лихорадит. В про-

шедшие пятницу и субботу у нее была обычная бессонница, спала по два часа за ночь. В воскресенье, когда Гаст привез Гарриет Фриде на три с половиной дня ее попечения, у девочки обнаружилась мучительная ушная инфекция. В ту ночь Фрида спала девяносто минут. В прошлую ночь – час. Гарриет плакала, не переставая, слишком сильно для своего маленького тела, слишком громко для тоненьких стен дома, которые не могли заглушить ее плача. Фрида делала, что могла. Она лежала на полу рядом с кроваткой Гарриет, держала ее невероятно идеальную руку, просунув свою через решетку кроватки, она целовала пальчики дочки, ее ноготки, ощущая неровность тех, которые пора подстричь, молясь о том, чтобы Гарриет закрыла глазки и уснула.

Послеполуденное солнце обжигает, когда Фрида останавливается у отделения полиции, расположенного в двух кварталах от ее дома, в старом итальянском районе в Южной Филли¹. Она паркуется и несется к секретарю приемной, спрашивает, не знает ли та, где ее дочь, малышка восемнадцати месяцев, наполовину китаянка, наполовину европейка, кареглазая, с кудрявыми темно-каштановыми волосами и челкой.

– Вы, вероятно, мать, – говорит секретарь приемной.

Секретарь – пожилая белая женщина, на ее губах мазок розовой помады. Она выходит из-за стола. Обводит Фриду

¹ Южная Филадельфия, или Южная Филли, как называют эту часть города местные жители.

взглядом с головы до ног, отмечает поношенные ортопедические сандалии.

Отделение кажется Фриде почти пустым. Секретарь делает осторожные шаги, она бережет свою левую ногу. Ведет Фриду по коридору в комнату для допросов без окон, стены здесь выкрашены приторным светло-зеленым цветом. Фрида садится. В детективных фильмах, какие видела Фрида, лампы в таких комнатах непременно мигают, но здесь горят ровно. У нее пошли мурашки, она жалеет, что не взяла жакет или шарф. Хотя в дни, когда Гарриет с ней, Фрида часто чуть не валится с ног от усталости, сегодня она к тому же чувствует давление на грудь, а эта боль переходит в кости, не дает покоя.

Она потирает предплечья, ее внимание то концентрируется, то рассеивается. Достает телефон со дна сумочки, ругает себя за то, что не увидела сообщений полицейского сразу же, за то, что выключила звук, разозлившись на бесконечные рекламные звонки, за то, что забыла потом включить звонок. За последние двадцать минут Гаст звонил шесть раз и прислал целую простыню взволнованных эсэмэсок.

«Я тут, – отписывается она наконец. – Приезжай скорее». Ей бы следовало перезвонить ему, но она боится. В течение ее половины недели Гаст звонит каждый вечер, интересуется, узнала ли Гарриет новые слова, улучшилась ли у нее моторика. Она ненавидит разочарованность в его голосе, когда дочка не оправдывает его надежд. Но Гарриет меняется по-

другому: ее пальчики хватают крепче, она замечает что-нибудь новое в книге, дольше держит взгляд Фриды, когда они целуются на ночь.

Положив руки на металлический стол, Фрида кладет на них голову и засыпает на несколько секунд. Она замечает камеру наблюдения в углу на потолке. Ее мысли возвращаются к Гарриет. Сегодня она купит упаковку любимого мороженого Гарриет – клубничного. Когда они вернутся домой, она позволит Гарриет играть в ванне, сколько ее душа пожелает. Почитает Гарриет еще одну книжку перед сном. «Я кролик». «Плюшевый мишка».

Полицейские входят без стука. Одного зовут Бруннер, это он звонил: мощного сложения белый, лет двадцати пяти, с угрями в уголках рта. Полицейский Харрис – чернокожий, средних лет, с аккуратными усами и крепкими плечами.

Она встает, пожимает обоим руки. Они просят ее показать водительские права, убеждаются, что она и есть Фрида Лью.

– Где мой ребенок?

– Присядьте, – говорит полицейский Бруннер и смотрит на грудь Фриды. Он открывает свой блокнот на чистой странице. – Мадам, когда вы уехали из дома?

– Может быть, в полдень. В половине первого. Я поехала купить кофе. А потом съездила на работу. Не стоило этого делать. Я знаю. Глупо с моей стороны. Я с ног валилась от усталости. Виновата. Я не хотела... Пожалуйста, скажите, где моя дочь.

– Не изображайте из себя дурочку, миз Лью, – говорит полицейский Харрис.

– Я ничего не изображаю. Я могу все объяснить.

– Вы оставили вашу дочь дома. Одну. Ваши соседи слышали ее плач.

Фрида кладет ладони на стол, ей нужно прикоснуться к чему-то холодному и надежному.

– Я совершила ошибку.

Полицейские приехали приблизительно около двух, вошли в дом через боковую дверь. Раздвижные стеклянные двери кухни, выходящие на задний двор, были открыты. Ребенка защищала только хлипкая сетка.

– Итак, ваша дочь... ее зовут Гарриет?.. почти два часа находилась одна. Верно ли это, миз Лью?

Фрида сидит на руках. Она оставила свое тело и теперь парит где-то наверху.

Ей сообщают, что Гарриет сейчас осматривают в детском кризисном центре.

– Кто-нибудь ее привезет...

– Что вы имеете в виду – «осматривают»? Слушайте, все совсем не так, как вы думаете. Я бы не...

– Мадам, подождите, – говорит полицейский Бруннер. – Вы вроде умная женщина. Давайте вернемся назад. Итак, самое главное, почему вы оставили ребенка одного?

– Я купила кофе, а потом поехала на работу. Забрать рукопись. Бумажную. Видимо, я потеряла счет времени. Я уже

возвращалась домой, когда увидела ваше сообщение. Виновата. Я несколько дней не спала. Мне нужно забрать ее. Я уже могу идти?

Полицейский Харрис отрицательно качает головой.

– Миз Лью, мы еще не закончили. Где вы должны были находиться сегодня? На чьем попечении был ребенок?

– На моем. Я вам уже сказала. Я поехала на работу. Я работаю в Уартоне.

Она объясняет, что выпускает факультетское обзорное издание, переписывает научные труды в виде коротких статей для бизнес-сообщества. Что-то вроде курсовых работ по предметам, о которых она ничего не знает. Она работает удаленно из дома с понедельника до среды, когда ребенок у нее – по специальному соглашению. Это ее первая работа на полную ставку после рождения Гарриет. Она работает всего шесть месяцев. Найти приличную – и вообще какую-нибудь работу в Филли так трудно.

Она рассказывает им о ее требовательном боссе, о строгих сроках сдачи работ. Профессору, с которым она сейчас работает, восемьдесят один год. Он никогда не отправляет свои записи по электронной почте. Она забыла взять их с работы в пятницу, а теперь они понадобились для статьи, которую она заканчивает.

– Я собиралась взять его заметки и сразу же домой. Меня задержала необходимость ответить на электронные письма. Я уже должна была бы...

– И вы *так* поехали на работу? – Полицейский Харрис кивает на лицо Фриды без косметики, ее джинсовую рубашку в пятнах зубной пасты и арахисового масла. Ее длинные черные волосы, связанные в неаккуратный пучок. Ее шорты. Прыщ на подбородке.

Она сглатывает.

– Мой босс знает, что у меня маленький ребенок.

Они пишут что-то в своих блокнотах. Они проведут проверку на наличие нарушений, но если у нее и прежде были нелады с законом, то лучше сказать об этом сейчас.

– Ничего такого у меня, конечно, не было. – У нее боль в груди. Она начинает плакать. – Это была ошибка. Пожалуйста. Вы должны мне верить. Я арестована?

Полицейские говорят – нет, не арестована. Но они вызвали сотрудника из Службы защиты детей. Сотрудник уже выехал.

* * *

Фрида остается одна в светло-зеленой комнате, она грызет заусенцы. Она помнит, как доставала Гарриет из кровати, как меняла на ней подушечку. Она помнит, как давала дочке ее утреннюю бутылочку, накормила ее йогуртом и бананом, почитала «Мишки Беренштейн», про гостей с ночевкой.

Они проснулись в четыре и так и не уснули. Фрида должна была сдать статью на прошлой неделе. Все утро она носи-

лась между детским уголком Гарриет и диваном в гостиной – там на кофейном столике были разложены ее материалы. Она несколько раз переписывала один абзац, пыталась объяснить байесовский вывод² словами дилетанта. Гарриет все время плакала. Она хотела сесть на колени Фриде. Хотела на ручки. Хватала бумаги и бросала на пол. Все время трогала клавиатуру.

Ей следовало бы включить для Гарриет телевизор – пусть бы смотрела. Она помнит, что подумала: если не успеет закончить статью, то босс откажет ей в работе из дома, и тогда Гарриет придется отдать в детский сад, а Фрида очень хотела обойтись без этого. И она помнит, что посадила тогда Гарриет в ходунки, которые следовало отправить на помойку несколько месяцев назад, когда Гарриет начала ходить. Потом она дала Гарриет воду и крекеры в виде зверьков. Проверила подгузник. Поцеловала Гарриет в головку, от которой пахло маслом. Сжала ее пухлые ручки.

Она решила, что в ходунках Гарриет будет в безопасности. Из них она никуда не денется. И вообще – что может случиться за час?

Фрида под резким светом в комнате для допросов обкусывает заусенцы, местами захватывает кожу. Контактные линзы измучили ее до смерти. Она достает пудреницу из сумоч-

² В науке статистический вывод, в котором свидетельство и/или наблюдение используются, чтобы обновить или вновь вывести вероятность верности гипотезы.

ки, рассматривает темные круги под глазами. Она считалась хорошенькой. Она миниатюрная и стройная, у нее округлое лицо и челка, фарфоровые кукольные черты, и люди обычно считали, что ей двадцать с небольшим. Но в тридцать девять у нее морщины между бровей и вокруг рта, морщины, появившиеся у нее после родов, – все это стало еще заметнее, когда Гаст бросил ее и ушел к Сюзанне. Гарриет тогда было три месяца.

Сегодня утром она не приняла душ, не вымыла лицо. Она боялась, что соседи пожалуются на плач. Ей нужно было бы закрыть заднюю дверь. Нужно было сразу же вернуться домой. Вообще не выходить из дома. И вообще она не должна была забывать на работе профессорские заметки. Или уж съездила бы за ними в выходные. Нужно было вообще успеть сдать работу в срок.

Ей нужно было бы рассказать полицейским о том, что она не может потерять эту работу. Что Гаст нанял посредника, чтобы договориться о том, как они будут распределять обязанности по воспитанию ребенка. Он не хотел тратить деньги на юристов. С учетом того, что у Гаста перспективная, но плохо оплачиваемая работа, кредит за обучение, с учетом ее заработка и того факта, что у них совместная опека, посредник предложил ей ежемесячные выплаты от Гаста в размере пятисот долларов – явно мало, чтобы им с Гарриет прокормиться, в особенности потому, что она отказалась от работы в Нью-Йорке. Она не могла заставить себя попросить у него

больше. Не требовала выплаты алиментов. Если она попросит, родители ей помогут, но просить у них она не может, она бы себя возненавидела, если бы попросила. Они и так ее обеспечивали, после того как она от них уехала.

Четверть пятого. Она слышит голоса в коридоре, открывает дверь и видит Гаста и Сюзанну – они разговаривают с полицейскими. Сюзанна подходит и обнимает Фриду, не отпускает ее, а Фрида напрягается под зонтом роскошных рыжих волос Сюзанны, окутанная запахом парфюма с ароматом сандалового дерева.

Сюзанна трет спину Фриде, словно они друзья. У этой девицы миссия – замучить Фриду до смерти своим дружелюбием. Война на истирание. Сюзанне всего двадцать восемь, она в прошлом танцовщица, и до появления Сюзанны в ее жизни Фрида не понимала, что разница между двадцатью восемью и тридцатью девятью может быть такой сильнодействующей и губительной. У этой девицы точеное личико феи, громадные голубые глаза, которые придают ей какой-то хрупкий, сказочный вид. Даже в те дни, когда она не занята ничем, кроме ухода за ребенком, она делает черные стрелки и одевается как девчонка-подросток, держит себя уверенно, чего всегда не хватало Фриде.

Гаст обменивается рукопожатиями с другими мужчинами. Фрида смотрит в пол, ждет. Раньше Гаст закричал бы. Как он делал в те ночи, когда она пряталась в ванной и плакала, вместо того чтобы нянчить ребенка. Но теперь перед

нею Новый Гаст. И этот человек нежно обнимает ее, несмотря на ее вину, – Сюзанна и образ жизни без токсинов изменили Гаста, он стал спокойным.

– Гаст, я так виновата.

Он просит Сюзанну подождать снаружи, берет Фриду под руку и ведет назад в светло-зеленую комнату, где садится рядом с ней, берет ее пальцы в свои. Они несколько месяцев не были наедине вдвоем. Она испытывает чувство стыда, потому что хочет его поцелуя. Он красивее, чем она когда-либо заслуживала, – высокий, стройный, мускулистый. В сорок два года его квадратное грубоватое лицо покрыто морщинами от избытка солнца, он, чтобы угодить Сюзанне, отпустил подлиннее свои песочного цвета с проседью волнистые волосы. Теперь он снова похож на того серфера, каким был в юности.

– Очевидно, что случившееся сегодня... – Гаст крепче сжимает ее руки, ей больно.

– Я совсем не спала. Я знаю, это не оправдание. Я думала, с ней ничего не случится за час. Я просто собиралась заскочить на работу и тут же обратно.

– Ну почему ты делаешь такие вещи? Это нехорошо. Ты же не одна ее воспитываешь. Могла бы позвонить мне. Кому-нибудь из нас. Сюзанна могла бы тебе помочь. – Гаст сжимает ее запястья. – Она поедет с нами домой. Посмотри на меня. Ты слушаешь, Фрида? Это серьезно. Копы сказали, что тебя могут лишить попечительства.

– Нет. – Она вырывает руки. Комната вращается.

– Временно, – говорит он. – Детка, ты не дышишь. – Он встряхивает ее за плечо, говорит, чтобы она дышала, но она не может. Если задышит, ее может вырвать.

Она слышит плач по другую сторону двери.

– Могу я? – спрашивает Фрида, и Гаст кивает.

Гарриет на руках Сюзанны. Она дала девочке несколько яблочных долек. Фриду всегда убивает, когда она видит, что Гарриет свободно себя чувствует на руках Сюзанны, даже сегодня, после дня болезни и страха, среди чужих людей. Утром Фрида надела на Гарриет фиолетовую футболку с динозавром, легинсы в полоску и мокасины, но теперь на ней поношенный розовый свитер и джинсики, слишком большие для нее, носки, а туфелек нет.

– Пожалуйста, – говорит Фрида и берет Гарриет у Сюзанны.

Гарриет обхватывает Фриду за шею. Теперь, когда они снова вместе, тело Фриды расслабляется.

– Ты голодненькая? Тебя кормили?

Малышка хлюпает носом. Глаза у нее красные и опухшие. От чужой одежды пахнет плесенью. Фрида представляет себе, как чиновники штата снимают одежду с Гарриет, подгузник, обследуют ее тело. Уж не прикасался ли к ней кто-нибудь ненадлежащим образом? Как она сможет когда-нибудь искупить вину перед своей крошкой? Сколько времени на это уйдет – месяцы, годы, вся жизнь?

– Мама. – Голос Гарриет звучит хрипловато.

Фрида прижимается виском к головке дочери.

– Мамочка так виновата. Тебе какое-то время придется побыть с папочкой и Сью-Сью, хорошо? Извини, детка, ух, как я оплошала. – Она целует Гарриет в ухо. – Тебе все еще больно?

Гарриет кивает.

– Папочка даст тебе лекарство. Обещай, что будешь хорошо себя вести. – Фрида начинает говорить, что они скоро увидятся, но прикусывает язык. Она берет мизинчик Гарриет. – Галактически, – шепчет она. Это их любимая игра, обещание, которое они дают перед сном. «Я обещаю тебе луну и звезды. Я люблю тебя галактически». Она произносит эти слова, когда укладывает Гарриет, эту девочку с таким же, как у ее матери, лунообразным лицом, с такими же двойными веками, печальными очертаниями рта.

Гарриет начинает засыпать на ее плече.

Гаст дергает Фриду за рукав.

– Пора везти ее домой, кормить.

– Подожди немного. – Она держит Гарриет и баюкает ее, целует соленую щеку. Нужно заменить эту ужасную одежду, искупать Гарриет. – Я буду тосковать без тебя ужасно. Люблю тебя, детка. Люблю, люблю, люблю.

Гарриет шевелится, но не отвечает. Фрида в последний раз смотрит на Гарриет, потом закрывает глаза, и Гаст берет ребенка.

Социальная работница застряла в пробке. Фрида ждет в светло-зеленой комнате. Проходит полчаса. Она звонит Гасту.

– Забыла тебе сказать. Я знаю, вы молочную диету сокращаете, но дай ей, пожалуйста, сегодня на ночь десерт. Я собиралась дать ей мороженое.

Гаст говорит, что они уже поели. Гарриет слишком устала, много есть не хочет. Сюзанна купает ее. Фрида снова извиняется, понимает, что у нее, возможно, начинается год извинений, что она выкопала себе яму, из которой, наверное, никогда не вылезет.

– Когда будешь говорить с ними, держи себя спокойно, – говорит Гаст. – Не сходи с ума. Я уверен, все это скоро кончится.

Она противится желанию сказать: «Я тебя люблю». Она противится желанию поблагодарить его. Она желает ему доброго вечера и начинает расхаживать по комнате. Ей нужно было бы спросить у полицейских, какие соседи их вызвали. Вызвала ли их пожилая пара, у которой на москитных дверях висят выцветшие открытки с изображением папы Иоанна Павла II. Или женщина, живущая по другую сторону забора, коты которой гадят во дворе Фриды. Или пара за стеной спальни, от чьих роскошных стонов она чувствует себя

еще более одинокой, чем на самом деле.

Имен их она не знает. Она пыталась здороваться с ними, но, когда она это делает, они ее игнорируют или переходят на другую сторону улицы. В прошлом году Фрида сняла таунхаус на три спальни близ Пасьюнк-сквер. Она единственная не белая в квартале, единственная, кто не прожил здесь несколько десятилетий, единственный арендатор, единственная с маленьким ребенком. Более просторного жилья в срочном порядке найти она не смогла. Ей пришлось просить родителей о совместном подписании договора аренды – тогда еще у нее в Пенсильвании не было работы. Из Западной Филли до ее нынешнего места службы было ближе, но аренда там выходила за возможности ее бюджета. Фиштаун, Белла-Виста, Куин-Виллидж, Градюэйт Хоспитал были слишком дороги. Они переехали сюда из Бруклина, когда Гаста, ландшафтного архитектора, пригласила престижная местная фирма, специализирующаяся на озеленении крыш. Его компания в первую очередь бралась за проекты с экологическим уклоном: восстановление болот, обустройство ливневок. Гаст считал, что в Филли им удастся накопить на покупку дома. К тому же Филадельфия совсем рядом с Нью-Йорком, и они смогут ездить туда, когда им захочется. Она застряла в этом самом маленьком из городков, в которых когда-либо жила, в городе-игрушке, где у нее не было круга поддержки, всего ничего знакомых и ни одного настоящего друга. А теперь из-за совместной опеки ей придется торчать

здесь до восемнадцатилетия Гарриет.

Один из светильников наверху начинает гудеть. Ей хочется опустить голову на руки, но она не может отделаться от чувства, что за ней наблюдают. Сюзанна все расскажет своим друзьям. Гаст расскажет своим родителям. Ей придется рассказать *своим* родителям. С большого пальца левой руки она обкусила почти все заусенцы. У нее болит голова, пересохло во рту, ей очень нужно выйти из этой комнаты.

Она открывает дверь и спрашивает разрешения воспользоваться туалетом и купить что-нибудь – она с утра после завтрака ничего не ела, только пила кофе. В автомате покупает батончики с арахисовым маслом и шоколадку. Весь день у нее дрожали руки.

Когда она возвращается, социальная работница уже ждет ее. Фрида роняет наполовину съеденный батончик и неловко поднимает его, при этом успевая хорошо разглядеть мускулистые икры социальной работницы под черными облегающими брюками-карго, ее кроссовки. Женщина молода, лет двадцати пяти, наверняка приехала прямо из фитнес-центра. На ней жакет из спандекса поверх топики на бретельках. Над грудной ложбинкой висит золотой крестик. Бицепсы проступают под одеждой. Она крашеная блондинка, ее волосы собраны в хвостик, что делает ее широко поставленные глаза похожими на глаза рептилии. У нее хорошая кожа, но на лице тонна косметики, подчеркивающей выигрышные особенности лица, глаза подведены, на губах бледный, пере-

ливчатый блеск. Когда она улыбается, Фрида видит ее сверкающие белизной зубы кинозвезды.

Они обмениваются рукопожатием. Социальный работник миз Торрес показывает на губы Фриды, испачканные шоколадом. Не успевает Фрида слизнуть его, как социальная работница начинает ее фотографировать. Она видит обкусанные ногти Фриды и просит ее показать руки.

– Это обязательно?

– У вас какая-то проблема, миз Лью?

– Нет-нет, пожалуйста.

Она снимает крупным планом руки Фриды, потом лицо. Изучает пятна на рубашке Фриды. Потом кладет на стол планшет и начинает набирать текст.

– Вы можете сесть.

– Мой бывший муж сказал, что мое опекунство может быть приостановлено. Это верно?

– Да, Гарриет останется на попечении отца.

– Но такого никогда больше не случится. Гаст знает.

– Миз Лью, имело место срочное изъятие ребенка, потому что ему грозила опасность. Вы оставили дочь без надзора на длительное время.

Фрида краснеет. Она всегда чувствует себя неумехой, но теперь тому есть доказательство.

– Мы не выявили никаких признаков физических злоупотреблений, но у вашей дочери было обезвоживание. Она была голодна. В отчете сказано, что подгузник промок и мо-

ча просочилась на ноги. Она долго плакала. Она была в бедственном положении. – Социальный работник просматривает свои записи, поднимает бровь. – И мне сказали, у вас в доме грязно.

– Обычно я не такая. Я собиралась обратиться в выходные. Я не делаю ничего во вред дочери.

Социальный работник холодно улыбается.

– Но вы нанесли ей существенный вред. Объясните мне, почему вы не взяли ее с собой? Какая мать этого не понимает: *если я хочу уехать или моего отъезда требуют обстоятельства, мой ребенок отправляется со мной?*

Социальный работник ждет ответа Фриды. Фрида вспоминает, как утром у нее повышался градус безысходности и тревоги, какросло эгоистичное желание отдохнуть хоть минуту. По большей части ей удастся уговорить себя отойти от этой пропасти. Ужасно, что на нее завели досье, словно она бьет Гарриет или содержит в неподобающих условиях, словно она из тех матерей, которые оставляют ребенка в жару на заднем сиденье машины.

– Это была ошибка, – говорит наконец Фрида.

– Да, вы это уже говорили. Но у меня такое чувство, что вы умалчиваете о чем-то. Почему вы вдруг решили поехать в офис?

– Я поехала купить кофе. Потом на работу – я забыла взять там записи. Они существуют только в бумажном виде. Я сотрудничаю с одним очень пожилым профессором из

бизнес-школы. Он уже жаловался на меня декану, когда я его неверно процитировала. Он хотел, чтобы меня уволили. А когда я приехала в офис, то начала отвечать на письма по электронной почте. Потеряла счет времени. Я знаю, что не должна была оставлять ее одну дома. Знаю. Но вот так случилось.

Фрида распускает волосы.

– Моя дочь не спала. Она должна спать два раза днем, а она совсем не спала. Я спала на полу. Она не засыпает, если я не держу ее за руку. А если я пытаюсь уйти, она тут же просыпается и начинает беситься. Последние несколько дней прошли как в тумане. Это был какой-то перебор. У вас случаются такие дни? Я так устала, что у меня началась боль в груди.

– Всем родителям достается.

– Я собиралась сразу же вернуться.

– Но вы не вернулись. Вы сели в машину и уехали. Оставили ребенка, миз Лью. Если вы собираетесь вот так покидать дом, то заведите собаку, а не ребенка.

Фрида с трудом сдерживает слезы. Она хочет сказать, что ничуть не похожа на плохих матерей, которых показывают по телевизору. Она не поджигала дом, не оставляла Гарриет на платформе в метро. Она не пристегивала Гарриет на заднем сиденье и не гнала машину в воду.

– Я знаю, что серьезно провинилась, но я не хотела этого. Я понимаю, что наделала глупостей.

– Миз Лью, у вас не было душевных заболеваний?

– Что? У меня изредка случаются депрессии. Но это тут ни при чем. Я не...

– Мы можем сказать, что с вами случился психотический срыв? Приступ мании? Вы не принимали никаких веществ?

– Нет. Абсолютно никаких. Я не сумасшедшая. Не буду делать вид, будто я идеальная мать, но все родители совершают ошибки. Не сомневаюсь, вы видели вещи и похуже.

– Мы говорим не о каких-то родителях. Мы говорим о вас. Фрида пытается говорить ровным голосом:

– Мне необходимо ее видеть. Как долго это может продлиться? Мы никогда не расставались больше чем на четыре дня.

– Так быстро ничто не происходит, миз Лью. – Социальный работник объясняет процесс, словно перечисляет покупки по списку. Фрида пройдет психологическое тестирование, Гарриет тоже пройдет. Гарриет пройдет терапевтический курс. В течение следующих шестидесяти дней Фрида сможет три раза увидеться с ребенком под надзором. Штат соберет данные. Служба защиты ребенка реализует новую программу.

– Я дам свои рекомендации, – говорит социальная работница. – Судья по семейным делам решит, какой план опеки наиболее отвечает интересам ребенка.

Фрида пытается заговорить, но социальная работница обрывает ее:

– Миз Лью, вы должны быть рады, что у ребенка есть отец, который не отказывается от обязанностей. Если бы не было его, нам бы пришлось поместить Гарриет под экстренную опеку приемных родителей.

* * *

В эту ночь Фриде снова не уснуть, ее мысли мечутся. Нужно сказать судье по семейным делам, что Гарриет не подвергалась плохому обращению, что была окружена заботой, что просто у ее матери выдался очень плохой день. Нужно спросить у судьи, случался ли, был ли у него когда-нибудь плохой день. В плохой день ей нужно было выйти из дома ее разума, заточенного в доме ее тела, запертого в доме, где Гарриет сидела в своих ходунках с упаковкой крекеров в форме зверьков. Гаст весь мир объяснял таким образом: разум в виде дома обитает в доме тела, обитающего в доме дома, находящегося в большом доме города, а тот находится в еще большем доме – штата, а дальше в домах Америки, общества, Вселенной. Он говорил, что эти дома располагаются один в другом, как матрешки, купленные для Гарриет.

Чего она не может объяснить, чего не хочет признавать и что едва помнит: когда она села в машину и закрыла дверь, когда машина увезла ее прочь от ее разума, тела, дома и ребенка, она вдруг ощутила внезапное наслаждение.

Она убежала, когда Гарриет не смотрела в ее сторону. Те-

перь она думает, не было ли это сродни выстрелу в спину, одним из самых ее плохих поступков в жизни. Она купила в кофейне в том же квартале охлажденный кофе с молоком, потом возвратилась в машину. Она готова поклясться, что сразу же собиралась вернуться в дом. Но десятиминутная поездка за кофе обернулась тридцатиминутной, а потом часовой, а потом двухчасовой с половиной. Ею двигало удовольствие, получаемое от езды. Это не похоже на удовольствие от секса, любви или созерцания заходов солнца, это удовольствие от того, что ты забываешь о своем теле, о своей жизни.

В час ночи Фрида встает с кровати. Она не делала уборку три недели и не может поверить, что полицейские видели ее дом в таком состоянии. Она собирает игрушки Гарриет, выносит мусор, проходит пылесосом по коврам, запускает стиральную машину, чистит перепачканные ходунки – ей стыдно, что она не сделала этого раньше.

Она убирает дом до пяти часов, от дезинфектантов и хлорки у нее кружится голова. Раковины вычищены. Ванна вычищена. Она подметает паркетный пол. Жаль, здесь нет полицейских – они бы увидели, какой чистотой блещет ее плитка. Они не видят белизны унитаза, не видят, что одежда Гарриет сложена и убрана, полупустые контейнеры с едой навынос выброшены, не осталось ни одной поверхности, на которой была бы пыль. Пока она в движении, ей не нужно ложиться спать без Гарриет, не нужно ждать, что дочка позовет ее.

Она усаживается на чистый пол, волосы и ночнушка пропитались потом, ветерок, задувающий из задней двери, холодит ее тело. Обычно, если ей не спится и Гарриет дома, она достает дочку из кровати, держит ее у себя на плече, а Гарриет спит. Ее родная девочка. Ей не хватает тяжести тела дочери, ее тепла.

* * *

Она просыпается в десять часов, из носа у нее течет, в горле саднит, она жаждет сказать Гарриет, что мамочка наконец-то выпалась и может взять ее на детскую площадку. Но тут страх начинает медленно заполнять все ее существо, и ее осеняет: Гарриет нет дома.

Она садится, ежится, вспоминая социального работника, светло-зеленую комнату, отношение к ней как к преступнице. Она представляет себе полицейских, которые входят в этот узкий темный дом, видят испуганную Гарриет среди грязи. Вероятно, они увидели почти пустые полки и холодильник. Вероятно, они увидели крошки на столешнице, комки бумажных полотенец, использованные чайные пакетики в раковине.

Она и Гаст сохранили за собой мебель, которую принесли в семью. Большая часть хорошей мебели принадлежала ему. Большая часть всяких финтифлюшек, картин и статуэток. Они все еще переоборудовали их прежний дом, когда

он ушел от нее. Нынешнее ее жилье было покрашено в пастельные тона владельцем – гостиная в светло-желтый, кухня в мандариновый, верхний этаж в лавандовый и светло-голубой. Мебель и украшения Фриды не вписываются в интерьер: черные рамочки для фотографий, пышный темно-синий персидский ковер, каминное кресло с оливковой обивкой.

Ей не удалось сберечь растения в горшках. Стены гостиной и кухни голые. В коридоре второго этажа она повесила всего несколько фотографий родителей и бабушек-дедушек, чтобы напоминали Гарриет о ее исторических корнях, хотя Фрида и не в достаточной мере владеет мандаринским, чтобы толком научить дочку. В комнате Гарриет кроме гирлянды ярких тканевых флажков висит фотография Гаста восьмилетней давности. Она хотела, чтобы дочка видела своего отца, пусть хотя бы и на фотографии, при этом она знает, что Гаст того же не сделал. В этом состоял один из ужасов совместной опеки. Ребенок каждый день должен видеть мать.

Она проверяет телефон. Пропустила звонок от босса, который хочет знать, почему она не ответила на его электронные письма. Она перезванивает ему, извиняется, говорит, что отравилась чем-то. Просит еще продлить срок сдачи.

Она принимает душ и звонит своему адвокату Рени, которая занималась ее бракоразводным процессом.

– Мне нужно, чтобы ты меня приняла сегодня. Пожалуйста. Это срочно.

Узкая улочка, на которой живет Фрида, сегодня пуста, хотя в солнечные дни пожилые соседи любят собраться, посидеть на садовых стульях на узенькой полосе тротуара. Ей хочется, чтобы они увидели ее сейчас. Она в брюках, пошитых на заказ, шелковой блузочке, блейзере, туфлях на платформе. Она не пожалела косметики, спрятала отекавшие веки за толстой роговой оправой. Полицейские и социальная работница должны были увидеть ее в таком виде: компетентной, утонченной, заслуживающей доверия.

Кабинет Рени находится на пятом этаже здания на Чеснат-стрит, в двух кварталах к северу от Риттенхаус-сквер. Какое-то время в прошлом году этот кабинет казался ей вторым домом. А Рени – старшей сестрой.

– Фрида, заходи. Что случилось? Ты что такая бледная?

Фрида благодарит Рени за то, что та смогла принять ее в срочном порядке. Она оглядывается, вспоминает, как Гарриет роняла слюну на кожаный диван и выдергивала ворсинки из ковра. Рени – грузная брюнетка лет пятидесяти, предпочитает свитера с воротником-хомутом и яркую бирюзовую бижутерию. Еще одна беглянка из Нью-Йорка, и сошлись они на этой почве в городе, где тебе кажется, что все местные знают друг друга с детского сада.

Рени продолжает стоять, пока Фрида объясняет, что слу-

чилось, она стоит, прислонясь к столу и сложив руки на груди. Она сердится сильнее, чем сердились Гаст и Сюзанна, потрясена и разочарована в большей мере, чем они. У Фриды такое чувство, будто она разговаривает со своими родителями.

– Фрида, почему ты мне не позвонила вчера?

– Я не понимала, в какую беду попала. Я облажалась. Знаю. Но это была ошибка.

– Это трудно назвать ошибкой. Службу защиты ребенка не интересуют твои намерения. Они становятся все агрессивнее. Двое их поднадзорных детей умерли в прошлом году. Губернатор сказал, что больше никаких ошибок не потерпит. Они вводят новые правила. Во время последних местных выборов состоялся референдум.

– Ты о чем говоришь? Никаких злоупотреблений по отношению к ребенку не было. Я не похожа на этих людей. Она же еще младенец. Она все забудет.

– Фрида, оставлять ребенка одного дома – это не мелочь. Ты это понимаешь или нет? Я знаю, что у матерей случаются стрессы, они иногда просто бегут из дома, но тебя поймали.

Фрида смотрит на свои руки. Она предполагала, что Рени утешит ее, поддержит, как она это делала в ходе развода.

– Мы назовем это «неверное суждение», – говорит Рени. – Называть это ошибкой больше нельзя. Ты должна взять на себя ответственность.

– Ты скажи, что мне делать.

Рени считает, на возвращение опеки может уйти несколько недель. В худшем случае – несколько месяцев. Она слышала, что Служба защиты ребенка действует теперь оперативнее. У них новый подход к прозрачности и отчетности, к сбору информации, к предоставлению родителям больше возможностей показать себя. Они пытаются модернизировать процесс в национальном масштабе, чтобы во всех штатах было одинаково. Различия между штатами всегда создавали проблему. Но все же очень многое зависит от конкретного судьи.

– Почему я ничего об этом не знала?

– Ты, вероятно, не обращала внимания, потому что это тебя не касалось. Да и с какой стати? Ты просто жила своей жизнью.

Фрида должна подготовиться к долгой игре: нужно добиться воссоединения с Гарриет и закрытия дела. Даже когда ей вернут опеку, вероятно, будет испытательный период, дальнейшее наблюдение длительностью, может быть, в год. Судья может потребовать от Фриды прохождения всей программы – инспекция дома, родительские классы, терапия. Телефонные звонки и посещения инспекторов – это лучше, чем вообще ничего. А некоторые родители и этого не получают. Даже если она пройдет все ступени, это, к сожалению, не дает никакой гарантии. Если, не дай бог, ситуация будет развиваться по худшему сценарию, если штат решит, что она не отвечает требованиям, и будет возражать против воссо-

единения, они могут лишить ее родительских прав.

– Но ведь это невозможно, да? Почему ты мне это рассказываешь?

– Потому что тебе теперь нужно быть осторожной. Я тебя не пытаюсь напугать, Фрида, мы говорим о системе семейных судов. Я хочу, чтобы ты знала, с какими людьми ты имеешь дело. Серьезно, я не хочу, чтобы ты участвовала во всяких группах, которые борются за права родителей. Сейчас не время уходить в глухую оборону. Ты от этого спишишь. Больше никакой приватности для тебя не существует. Они будут наблюдать за тобой. И они не обнародовали деталей своей новой программы.

Рени садится рядом с ней.

– Обещаю: мы ее вернем. – Она прикасается пальцами к руке Фриды. – Слушай, мне очень жаль, но у меня прием. Я тебе позвоню. Что-нибудь придумаем.

Фрида пытается встать, но обнаруживает, что не может шевельнуться. Она снимает очки. И у нее из глаз вдруг текут слезы.

* * *

К концу рабочего дня Риттенхаус-сквер заполнена бегунами трусцой, скейтбордистами, студентами-медиками и бездомными мужчинами и женщинами, которые здесь живут. Это место у Фриды – самое любимое в городе, класси-

ческий парк с фонтанами и скульптурами животных, с аккуратными цветочными клумбами, в окружении лавочек и ресторанов с уличными столиками. Одна из достопримечательностей, которая напоминает ей о Нью-Йорке.

Фрида находит пустую скамейку и звонит Гасту. Он спрашивает, удалось ли ей поспать. Она рассказывает ему о разговоре с Рени, потом просит, чтобы он дал трубку Гарриет. Она пытается переключиться на видеозвонок, но связь плохая. Как только раздается голос Гарриет, Фрида снова начинает плакать.

– Я скучаю без тебя. Как ты там, детка?

Голос у Гарриет все еще охрипший. Она лепечет, произносит ряд гласных звуков, но ничего похожего на «мама». На заднем плане она слышит голос Гаста, который говорит, что ушная инфекция у дочери спадает. Сюзанна утром ходила с ней в музей «Пожалуйста, потрогай».

Фрида начинает спрашивать про музей, но Гаст говорит, что они уже садятся за стол обедать. Она еще раз напоминает про мороженое.

– Фрида, я знаю, ты желаешь только добра, но мы не хотим приучать ее к эмоциональной зависимости от еды. Ну-ка, Медвезаяц, попрощайся с мамочкой.

Они отключаются. Фрида утирает нос тыльной стороной запястья. Хотя путь домой пешком займет целых сорок минут и она наверняка сотрет ноги до пузырей, она не может сесть в общественный транспорт, чтобы там все на нее глаза-

ли. Она взвешивает, не вызвать ли такси, но не хочет болтать о каких-нибудь пустяках с водителем. Она останавливается у «Старбакса», чтобы высморкаться и протереть очки. Люди, вероятно, думают, что ее только что бросил муж или выгнали с работы. Никто не догадывается о ее преступлении. Она кажется слишком уж не от мира сего. Слишком уж правильная. Слишком азиатка.

Она идет на юг мимо пар молодых женщин, несущих коврики для йоги, мимо татуированных родителей, забирающих детей из детских садиков. Она все еще воспринимает события прошлого вечера так, будто они произошли с кем-то другим. Судья поймет, что она не алкоголик, не наркоманка, что у нее нет криминального прошлого. Она приносит прибыль нанимателю. Мирная, преданная сородительница. Имеет степени бакалавра и магистра по литературе из Брауновского и Колумбийского университетов. Счет в банке на 401 тысячу. Накопительный счет для оплаты образования Гарриет.

Она хочет верить, что Гарриет слишком еще маленькая, чтобы запомнить. Но какое-то маленькое уязвленное чувство, может быть, сохранится, будет затвердевать по мере роста дочери. Возможно, у нее останутся воспоминания о том, как она плакала, а ее никто не слышал.

Звонок в дверь в восемь часов утра застаёт Фриду в кровати, но на третий звонок она хватается халат и бежит вниз.

Пришли сотрудники из Службы защиты ребенка, они высокие, европеоиды, груди у них колесом. На обоих бледно-голубые рубашки с воротником на пуговицах, брюки защитного цвета. У них непроницаемые выражения, каштановые волосы подстрижены ежиком, говорят они с филадельфийским акцентом. У одного живот тыквой, у другого слабый подбородок. У обоих металлические чемоданчики.

Тот, у которого слабый подбородок, говорит:

– Мадам, нам нужно установить камеры.

Они показывают ей бумаги.

– Это надомная инспекция?

– У нас новый способ работы.

Камеры будут установлены во всех комнатах, сообщают они Фриде, кроме туалета. Они также будут инспектировать место происшествия. Человек со слабым подбородком через голову Фриды оглядывает гостиную.

– Вы, кажется, убрали дом. Когда вы это сделали?

– Прошлой ночью. Вы обсудили эти действия с моим адвокатом?

– Мадам, ваш адвокат тут ни при чем.

Женщина, которая живет на другой стороне улицы, раз-

двигает занавески на окнах. Фрида кусает себя за щеку изнутри. Рени ей говорила, чтобы она никогда не возражала, всегда соглашалась. Была почтительной. Не задавала слишком много вопросов. Все взаимодействия с сотрудниками Службы документируются. Все может быть использовано против нее.

Эти люди объясняют ей, что штат будет собирать видеозаписи происходящего в доме. В каждой комнате они установят камеру в углу под потолком. Они поставят камеру и в заднем дворе. Они будут отслеживать звонки, эсэмэски, голосовую почту, использование интернета и приложений.

Они дают Фриде бланк на подпись. Она должна указать, что соглашается на наблюдение.

Ее соседка все еще смотрит. Фрида закрывает входную дверь, вытирает влажные ладони о халат. Рени сказала, что ее цель – возвращение Гарриет. Поражение означает потерю всего. Это унижительное положение может показаться невыносимым, но в целой жизни несколько недель или даже месяцев – небольшой срок. «Ты представь ту жалкую ситуацию, в которой ты окажешься в случае поражения», – сказала Рени. Фрида не может себе представить такое. Если это случится, зачем ей тогда жизнь.

Фрида отправилась в глубь дома за ручкой. Они входят в дом, начинают распаковывать оборудование, и Фрида осторожно спрашивает, что они будут наблюдать.

– Мы будем знакомиться с вами, – отвечает человек с жи-

ВОТОМ.

Она спрашивает, не нужно ли ей будет носить камеру на себе, не установят ли они камер в ее машине, на рабочем месте. Они заверяют ее, что их интересует только ее домашняя жизнь, словно зная, что они будут наблюдать, только когда она ест, спит и дышит, Фрида будет чувствовать себя лучше. Когда материала наберется достаточно, они на основании просмотренного *проанализируют ее чувства*.

Фриде хочется спросить, что это значит, как такое возможно. В статьях, которые она нашла в интернете, представители Службы защиты ребенка говорили, что новая программа исключит человеческие ошибки. Служба сможет избежать субъективности, предубеждения, введет ряд универсальных стандартов.

Сотрудники фотографируют все помещения в доме, иногда останавливаются, показывают на что-нибудь, перешептываются. Фрида звонит на работу – сообщает, что припозднится. Они проверяют ее буфет, холодильник, все ящики, кладовки, крохотный задний двор, туалет, подвал. Они светят фонариками внутрь стиральной машины, сушилки. Делают еще несколько фотографий.

Они просматривают ее одежду, открывают крышки всех шкапулов с бижутерией. Трогают ее подушки и простыни. Они проверяют на прочность решетки кровати Гарриет, трогают матрас, переворачивают его. Они лапают одеяльца и игрушки Гарриет. Пока они обследуют каждую комнату,

Фрида стоит в дверях, подавляя в себе желание возмутиться их наглостью. У нее такое ощущение, что они в любой момент могут начать инспектировать ее тело. Попросят открыть рот, отметят состояние зубов. Может быть, штату важно знать, есть ли у нее кариес.

Они приносят приставную лестницу. Счищают паутину с потолка. Закончив устанавливать камеры, звонят в свой офис и включают прямую трансляцию.

У Фриды искушение не возвращаться с работы домой, она взвешивает, не снять ли ей номер в гостинице кампуса, не найти ли что-нибудь в Эйрбиэнби, не совершить ли спонтанную поездку к давно забытым друзьям в Бруклине. Можно еще остаться переночевать на работе, хотя сегодня босс обратил внимание на лицевой стороной вниз фотографии Гарриет и принялся задавать вопросы.

– Я пыталась сосредоточиться, – солгала она.

Когда босс отошел, она поставила фотографии в прежнее положение, погладила их и извинилась: новорожденная, плотно спеленутая Гарриет, Гарриет тянется к тортю на свой первый день рождения, Гарриет в очочках в форме сердечек и клетчатых трусиках на пляже. Это личико. Единственное, что у нее получилось хорошо.

Она сидит на работе до одиннадцати, в здании уже давно никого нет, наконец страх, что ее ограбят в кампусе, перевешивает страх перед тем, что ее ждет дома. Она сегодня несколько раз звонила Рени. Та встревожилась, узнав про камеры наблюдения, но, тяжело вздохнув, сказала, что правила постоянно меняются. Технологии теперь так подешевели. Не появляться дома не вариант. Как и вооружаться информацией. Хотя Фрида не так уж много информации нашла в сети. Только обычная аналитика, касающаяся экс-

периментов с использованием баз данных, повальное увлечение социальными сетями, коррумпированные взаимоотношения между правительством и технологическими компаниями. Онлайн-трансляции родов и насильственных преступлений. Споры о ютуберах, оказывающих влияние на рынок детских продуктов. Умные носки и одеяла, которые измеряют частоту сердцебиений младенца, уровень кислорода и качество сна. Умные детские кроватки, избавляющие вас от необходимости приучать ребенка засыпать самостоятельно.

За людьми уже много лет ведется наблюдение с помощью их же девайсов. Два года назад камеры наружного наблюдения были установлены в большинстве американских городов, правительство, видимо, следует опыту Лондона и Пекина, где установка таких камер позволила снизить уровень преступности. Кто только не использует программу распознавания лиц. Рени сказала, что такие камеры хотя бы устанавливаются на виду у всех. Фрида должна исходить из того, что они ее прослушивают. Все, что делает нормальный человек, может интерпретироваться как демонстрация неповиновения. «Попытайся не оставлять слишком много следов, сказала Рени. – Прекрати свои поиски в Гугле. Они могут подключиться и к твоему рабочему компьютеру. Не следует обсуждать эту ситуацию по телефону».

Кроме того, до Рени доходят слухи о том, что Служба защиты ребенка переводит на новые технологии и свое об-

разовательное отделение. Они усовершенствуют родительские классы. Говорят, Силиконовая долина вкладывает в это деньги и ресурсы. В Службе открывается целая куча вакансий. Они предлагают более высокие жалованья, чем прежде. К сожалению, Фрида живет в штате и округе, где новая система проходит испытание.

– Жаль, что я не знаю всех деталей, – продолжала Рени. – Если бы это случилось год или даже несколько месяцев назад, я бы в большей степени была вооружена для помощи тебе. – Она помолчала. – Давай встретимся и поговорим. Пожалуйста, Фрида, постарайся оставаться спокойной.

* * *

Дом, который она никогда не воспринимала как свой, в эту ночь кажется еще более чужим. Она подогрела обед в микроволновке, поела, прибрала во всех комнатах, вымела грязь, оставленную сотрудниками Службы, закрыла все ящики, убрала постельное белье Гарриет, переложила игрушки и теперь отправляется в свою тесную ванную, ей бы хотелось свести свою жизнь к этой комнате, есть здесь и спать. Она принимает душ, очищает лицо, наносит тоник, сыворотку против морщин, увлажняющий крем. Она расчесывает влажные волосы, подстригает и подпиливает ногти, заклеивает пластырем обкусанные заусенцы. Она выщипывает брови. Она садится на край ванны и перебирает содержимое

ведерка с резиновыми игрушками: надувной морж, уточка, оранжевый осьминог, потерявший глаза. Она играет с халатиком Гарриет. Она втирает лосьон Гарриет в руки, чтобы от нее во сне пахло кокосом.

Хотя вечер теплый, поверх ночнушки она надевает толстовку. Ее коробит при мысли о том, что два утренних гостя прикасались к ее подушке, и она решает поменять постельное белье.

Она ложится в кровать, надевает капюшон, завязывает тесемки под подбородком, жалея, что у нее нет савана. Вскоре штат обнаружит, что у нее почти не бывает гостей. После развода она потеряла связь со своими нью-йоркскими друзьями, новыми не обзавелась, да и не пыталась, большую часть одиноких вечеров проводит в компании с телефоном. Иногда на обед ест овсяную кашу. Если не спится, может часами делать упражнения для пресса или поднимать ноги, лежа на спине. Если бессонница усугубляется, принимает «Унисом», запивает его алкоголем. Если Гарриет у нее – всего одной порцией бурбона. Если она одна, то тремя или четырьмя подряд. Слава богу, эти визитеры не нашли пустых бутылок. Каждое утро перед завтраком она измеряет талию. Пощипывает дряблые трицепсы и бедра с внутренней стороны. Она улыбается в зеркало и напоминает себе, что была хорошенькой. Необходимо отказаться от всех дурных привычек. Она не может позволить себе казаться тщеславной, или эгоистичной, или неустойчивой, чтобы никто не мог сказать, что если

она о себе не может позаботиться, то, видимо, несмотря на свой возраст, не может и о ребенке.

Она поворачивается на бок и смотрит в окно. Она подносит руку ко рту, замирает. Она смотрит на мигающий красный свет. Достаточно ли она дает им? В достаточной ли мере она ощущает свою вину? В достаточной ли мере боится? Когда ей перевалило за двадцать, она ходила к психотерапевту, и тот составил список ее страхов; это был утомительный процесс, который выявил, что ее страхи случайны и безграничны. Тот, кто за ней наблюдает теперь, должен знать, что она боится лесов и больших водоемов, древесных стволов и морских водорослей. Пловцов на дальние дистанции, людей, которые знают, как без проблем следует дышать под водой. Она боится людей, умеющих танцевать. Она боится нудистов и скандинавской мебели. Телешоу, начинающих с мертвой девушки. Избытка солнца и недостатка солнца. Когда-то она боялась растущего в ней ребенка, боялась, что ребенок перестанет расти, боялась, что мертвого ребенка придется высасывать из нее, что если это случится и она больше не захочет пробовать, то Гаст может уйти от нее. Она боялась, что, подумав, может принять другое решение, поехать в клинику, сказать, что кровотечение было естественным.

Сейчас она боится камер наблюдения, социального работника, судью, ожидания. Того, что Гаст и Сюзанна, возможно, рассказывают посторонним людям. Того, что дочь уже стала меньше любить ее. Того, что для ее родителей станет ударом,

когда они узнают.

Она мысленно повторяет новые страхи, пытается лишить слова смысла. Ее сердце бьется слишком быстро. Холодный пот покрывает спину. Возможно, плохую мать нужно не мониторить, а сбрасывать в овраг.

* * *

Фрида обнаружила эти фотографии в прошлом году в начале мая. Посреди ночи она опять изнемогала от бессонницы. Чтобы проверить время, схватила телефон Гаста, лежавший на ночном столике. Вскоре после трех часов ночи на него пришла эсэмэска. «Приходи завтра».

Она нашла фотографии девицы в папке «Работа». Там обнаружилась Сюзанна в залитой солнцем гостиной, она держала в руках меренговый пирог. Сюзанна с размаха кидает пирог в пах Гасту. Сюзанна слизывает пирог с его тела. Фотографии были сделаны в феврале, когда Фрида была на девятом месяце беременности. Она не понимала, как Гаст находил время для встреч с этой девицей, почему она понравилась ему, но потом вспомнила, что он часто задерживался на работе и проводил выходные с друзьями, а у нее был постельный режим и она пыталась не быть женой, которая намертво вцепляется в своего мужа.

Она несколько часов просидела на кухне в ту ночь, разглядывая шаловливую улыбку Сюзанны, ее лицо в пироге,

член Гаста в ее руках, ее маленький влажный рот. Эта девица словно сошла с полотен прерафаэлитов, у нее было светлое тело в веснушках с тяжелыми грудями и мальчишескими бедрами. Точеные, мускулистые руки и ноги, выступающие ключицы и ребра. Она думала, что Гаст ненавидит костлявых женщин. Она думала, ему нравится ее беременное тело.

Она не стала его будить, не начала кричать, она дождалась рассвета, потом сделала селфи, не скрывая своего жуткого вида, и отправила его девице.

Тем утром, покормив Гарриет и уложив ее назад в кровать, Фрида забралась на Гаста и терлась об него, пока он не затвердел. Они всего два раза занимались сексом, после того как доктор разрешил ей это, и каждый раз это было мучительно больно. Она надеялась, что с той девицей он использовал презервативы со спермицидом, что эта девица легкомысленная шлюшка. Может быть, обручальное кольцо или дети ее ничуть не пугали, но эта девица наверняка потеряет интерес к Гасту. Она видела, как это происходило с ее друзьями в Нью-Йорке, которые встречались с двадцатилетними. Начинается все с любовной горячки, бушуют страсти, происходит неожиданное обручение, за которым следует решение девицы бежать на Галапагосы. Приключенческий туризм часто был предлогом для разрыва, как и духовные пробуждения.

Когда они кончили заниматься любовью, она сказала ему: – Брось эту девицу.

Он рыдал и извинялся, и несколько недель казалось, что они могут спасти брак, но он отказался бросить Сюзанну. Сказал, что влюблен.

– Я должен следовать за своим сердцем, – сказал он.

Он начал говорить о совместном воспитании ребенка, когда Фрида была еще не готова сдаваться. Он сказал:

– Я все еще люблю тебя. И всегда буду любить. Мы всегда будем семьей.

Фрида со временем поняла, что Сюзанна – прилипала, а Гаст – высокий корабль, хотя она и подумать не могла, что Сюзанна победит, а уж тем более теперь, когда у них появился ребенок. Если бы только у нее был шанс показать, какая она замечательная мать. Так, по крайней мере, ей нравится думать. Гарриет только-только начала улыбаться, спала всего с трехчасовыми интервалами. Днями Фрида была покрыта отрыжкой и слюной, она мчалась убирать в доме, или готовить, или заправлять стиральную машину между кормлением и сменой подгузников. Малышка все время прибавляла в весе. Рана на животе Фриды все еще саднила, как свежая.

Она решила, что Сюзанна необузданная, она, возможно, позволяла Гасту кончать ей на лицо. Возможно, предлагала анальный секс. Фрида сказала всему этому «нет», хотя теперь жалеет об этом. Ее занимает мысль о том, что ей стоило бы предложить Гасту задницу, ее занимают все другие предложения, которые она могла бы сделать ему, чтобы он остался.

Если бы она была поздоровее. Если бы жизнь с ней была полегче. Если бы она продолжала принимать антидепрессант «Золофт», если бы с ней не случились рецидивы – приступы истерики, спирали тревоги. Если бы она никогда не кричала на него. Но ничто не могло дать стопроцентной гарантии, говорили доктора. Неужели Фрида и в самом деле хочет пойти на такой риск? Ее гинеколог предупредил о том, что прием материнского антидепрессанта чреват для ребенка юношескими депрессиями, аутизмом. У ребенка может развиться нервозность. У ребенка может пропасть аппетит. У ребенка при рождении может быть недостаточный вес, низкие баллы по шкале Апгар. Гаст так гордился ею, когда она отказалась от лекарств. Он, казалось, стал больше уважать ее. «Наш ребенок должен знать тебя настоящую», – сказал он.

Родители, знавшие о ее зависимости, чувствовали себя виноватыми. Она не говорит с ними об этом. Даже теперь не попросила у доктора новые рецепты, не попыталась найти психиатра или психотерапевта, она не хочет, чтобы кто-то знал, как плохо дом ее разума функционирует сам по себе, без помощи лекарств.

Она позволила Гасту уговорить ее согласиться на развод по взаимному согласию сторон. Он убедил ее, что судебное постановление, в котором будет адюльтер, повредит Гарриет. Когда дочь станет постарше, они объяснят ей, что мама и папа решили: им будет лучше жить друзьями.

Предъявив претензии на Гаста, Сюзанна вскоре начала

озвучивать свои мнения. Еще школьницей она летом подрабатывала вожатой в лагере. Во время учебы в колледже – няней. Она много времени проводила со своими племянниками и племянницами. Пошли электронные письма, потом эсэмэски. Фрида должна избегать использования пластика в доме. Пластик – канцероген. Ей следует установить систему очистки воды, чтобы не подвергать Гарриет воздействию тяжелых металлов и хлорина в питьевой воде или при купании. Она должна покупать Гарриет одежду только из чистого хлопка, изготовленного на фабриках, которые обеспечивают своим работникам минимальный размер оплаты труда. Она должна покупать органические средства ухода за кожей, подгузники, салфетки и постельное белье, присыпку без химических добавок. И почему бы Фриде не перейти на пеленки? Многие подружки сестры Сюзанны используют пеленки. А еще ей следует попробовать «высаживание с опережением» – это такая метода приучения к горшку. В Китае, кажется, этим широко пользуются? Фриде нужно держать в детской целебные и заземляющие кристаллы. Сюзанна будет рада дать Фриде для начала несколько кристаллов розового кварца. Кровать в доме Фриды куплена в «Икее», а знает ли Фрида, что там не древесина, а древесные опилки и формальдегид? К тому времени когда Сюзанна начала доставать ее преимуществами долгосрочного кормления грудью, ношения ребенка на руках и сна в одной кровати, Фрида была готова: она позвонила Гасту и наехала на него, а он ей сказал:

«Не забывай, все это говорится из лучших побуждений».

Она заставила его пообещать, что он не позволит Сюзанне экспериментировать с их ребенком. Никакого раннего приучения к горшку, никаких кристаллов, никакого сна в одной кровати, никакого предварительного пережевывания еды. За год до этого Сюзанна получила диплом диетолога, а также собиралась дополнить список своих платных услуг пилатесом. Фрида опасается, что Сюзанна подмешивает хлореллу и спирулину в еду Гарриет и протирает ее эфирными маслами или делает ей грязевые ванны от простуды. Они не раз спорили о вакцинах и групповом иммунитете. Гаст уже удалил пломбы из материалов, содержащих ртуть. И Сюзанна тоже. Вскоре они попытаются обзавестись собственным ребенком, но сначала будут лечить кариесные полости травами, медитациями и хорошими намерениями.

Она познакомилась с Сюзанной в прошлом июне, когда Фрида завезла Гарриет на выходные. Гаст переехал в лофт Сюзанны в Фиштауне, а Фрида продолжала жить в их первом доме в Белла-Висте. Тогда еще и нескольких недель не прошло, как они разъехались. На ночь она оставляла Гарриет у себя – кормила ее, но днями в субботу и воскресенье Гаст забирал дочку, и Фриде приходилось привозить ребенка и бутылочки со сцеженным молоком. Дверь открыла Сюзанна без бюстгальтера, в рубашке Гаста, под которой виднелись заросли ее лобковых волос. Вид у нее был гордый и сонный, отчего Фриде захотелось расцарапать ей физиономию. Фри-

да не хотела отдавать ребенка этой только что оттраханной бабе, но тут появился Гаст и взял у нее Гарриет. Он выглядел счастливым, но не счастливым как мужчина, обретший новую любовь, а счастливым как собака.

Когда Сюзанна потянулась к термосумке с молоком, Фрида рывкнула на нее. К молоку могут прикасаться только родители.

– Фрида, прошу тебя, будь благоразумной, – сказал Гаст.

Они пошли наверх с Гарриет, и Фрида могла только надеяться, что они не будут целоваться перед ребенком, но, идя к машине, она поняла, что они будут целоваться и обжиматься перед Гарриет, а может быть, даже заниматься любовью в той же комнате, где девочка будет спать. В доме отца Гарриет будет видеть расцветающую и растущую любовь.

* * *

Субботний вечер. Рано. Время кормления Гарриет. Фрида сидит за кухонным столом, смотрит, как цифровые часы над плитой отсчитывают минуты. Она ударяет ногой по высокому стульчику Гарриет. Может быть, Гаст и Сюзанна недокармливают Гарриет. Сюзанна, может быть, взяла сегодня Гарриет в парк и без конца трепала языком, описывала каждый ее шаг. Сюзанна рта не закрывает. Где-то прочла, что грудные младенцы и начинающие ходить должны от рождения до пятилетнего возраста слышать по десять тысяч

слов в день, чтобы быть готовыми к детскому садику.

Хотя Фрида в конечном счете сдалась, но ей американские материнские гули-гули представлялись довольно жалкими. Другие матери недовольно посматривали на нее, когда она молча раскачивала Гарриет на качелях, когда сидела на краешке песочницы и читала «Нью-Йоркер», пока Гарриет играла в одиночестве. Ее иногда принимали за невнимательную няньку. Когда Гарриет было семь месяцев, одна такая мамочка просто отругала Фриду, видя, как Гарриет ползает по детской площадке. Почему она не смотрит за своим ребенком? А если ребенок поднимет камень, попытается его проглотить и задохнется?

Фрида не пыталась защищаться. Она схватила Гарриет и поспешила домой. Больше она никогда на эту площадку не приходила, хотя та находилась ближе всего к ее дому и была самой чистой.

Матери на детских площадках пугали ее. Ей было далеко до их усердия или навыков, она мало читала по теме, перестала кормить грудью через пять месяцев, тогда как эти женщины весело кормили своих и в три года.

Она думала, что стать матерью – значит влиться в сообщество, но матери, с которыми она знакомилась, были какими-то жалкими, словно новые члены женских землячеств, самопровозглашенная рабочая группа, объединенная материнской бескомпромиссностью. Женщины, которые говорят только о своих детях, утомляют ее. У нее мало интереса к ба-

нальному, однообразному миру раннего детства, но она надеется, что дела улучшатся, когда Гарриет станет подготовкой и они смогут общаться. Дело было не в том, что Фрида не имела представления о том, какой уход нужен ребенку. Ей понравилась книга о воспитании детей на французский манер, но Гаст пришел в ужас от одной только мысли про приучение к самостоятельному сну в три месяца, от мысли о том, что их взрослые потребности должны оставаться на первом месте. По его мнению, эта книга проповедовала эгоизм.

– Я готов отказаться от эгоизма, – сказал Гаст. – А ты – нет?

Она сегодня не выходила из дома. Рени сказала ей, чтобы она перестала звонить Гасту и просить его показать ей Гарриет по телефону, чтобы она перестала дожидаться разговора с социальным работником. Этим утром она несколько часов ошивалась в детской, прикасалась к игрушкам и одеялам Гарриет. Все необходимо выстирать. Может быть, заменить, когда ей это будет по карману. Приходившие к ней работники не оставили следов, но они оставили злосчастье. Гарриет никогда не узнает, что ее детскую рассматривали, как место преступления.

Она сидела в кресле-качалке и плакала, стыдясь того, что слезы ей приходится выдавливать, тогда как слез у нее не осталось. Но отсутствие слез предполагает отсутствие раскаяния, а отсутствие раскаяния предполагает, что мать из нее

еще хуже, чем думают власти штата. И тут она схватила кролика Гарриет, сжала его, представила себе Гарриет – одну и испуганную. Она холила свой стыд. Ее родители всегда говорили, что ей требуется публика.

Фрида встает и подходит к откатной стеклянной двери, открывает ее и смотрит в сад соседей. Сосед с северной стороны строит решетку для ползучих растений. Он весь день стучит молотком. Ей хочется бросить через забор зажженную спичку и посмотреть, что будет, ей хочется сжечь это дерево, которое запускает свои вьющиеся, коричневые щупальца в ее двор, но она не уверена, что он и был тем добрым самаритянином, который вызывал полицию.

Запасов в холодильнике теперь еще меньше, чем было при посещении инспекторов. Там лежит контейнер с нарезанным бататом, который уже начал плесневеть, наполовину пустая банка арахисового масла, бутылка молока, срок годности которого истек три дня назад, пакетики с кетчупом на дверце. Она жует волокнистый сыр Гарриет. Она должна приготовить сытный обед, показать штату, что умеет готовить. Но когда она думает о посещении магазина, о том, как камера зафиксирует ее уход и возвращение, ее метод готовки еды, ее изящную манеру есть, ей хочется уйти куда-нибудь подальше в поле.

Она оставит свой телефон здесь, чтобы они не могли ее отследить. Если они спросят, она скажет, что ездила к другу, хотя Уилл скорее друг Гаста, чем ее. Его лучший друг.

Крестный Гарриет. Она не видела его несколько месяцев, но во время бракоразводного процесса он сказал ей: «Звони, если понадобится».

Камеры не должны зафиксировать что-либо подозрительное. Она не надевает другое платье, не причесывается, не красится, не надевает сережки. На ногах и в подмышках у нее отросла щетинка. Она носит свободную красную футболку с дырками и обрезанные под шорты джинсы. Она надевает зеленую штормовку и сандалии. У нее вид женщины, которую лучше не трогать, женщины, которая мало что может предложить. Последняя женщина, с которой встречался Уилл, была воздушной гимнасткой. Но она не хочет превращать встречу с Уиллом в свидание, напоминает себе Фрида, и она вернется домой в приличное время. Ей просто нужна компания.

* * *

По любым разумным прогнозам, Уилла в субботу вечером не должно быть дома. Ему тридцать восемь, он холостяк, заядлый любитель онлайн-знакомств в городе, где не так уж много холостяков его возраста. Женщины в восторге от его вежливых манер, его черных, в мелкую кудряшку волос, теперь уже тронутых сединой, его густой бороды, пушка волос на груди, который он шутливо называет признаком его половой зрелости. Волосы у него на макушке высоко взби-

ты, а с его маленькими очками в проволочной оправе, длинным носом и глубоко посаженными глазами он напоминает ученого из Вены начала двадцатого века. Он не так красив, как Гаст, тело у него мягче, а голос выше, но Фриде всегда нравилось внимание с его стороны. Если его нет дома, она будет считать, что ей повезло. Она не уверена, что помнит улицу или номер дома – где-то на Осадж между Сорок пятой и Сорок шестой, но отчаяние само себе маяк, оно выводит ее к правильному кварталу, к парковке в нескольких дверях от квартиры Уилла в Западной Филли, где он арендует первый этаж разрушающегося викторианского дома на Спрус-хилл. Свет у него включен.

Они часто шутили по поводу того, что Уилл неровно к ней дышит. Она помнит, когда он сказал ей в присутствии Гаста: «Если у тебя с этим парнем не получится...» Поднимаясь к его двери и нажимая кнопку звонка, она вспоминает его комплименты. То, как он прикасался к ее пояснице. Как флиртовал, когда она пользовалась красной помадой. Она слышит его шаги, и надежда и отчаяние наполняют ее, она чувствует приток буйства, жуткого буйства, хотя думала, что оно навсегда покинуло ее. В ней нет ничего соблазнительного, кроме разве что печали, но Уилл любит печальных женщин. Они с Гастом часто ругали его за ужасный вкус. Его погубленные птички. Амбициозная владелица похоронного бюро. Стриптизерша, бывший бойфренд которой был склонен к насилию. Портнихи и поэтессы с бездонными колод-

цами потребностей. Он пытается стать более разборчивым, но она надеется, что он еще способен на одну последнюю ошибку.

Он открывает дверь, на его лице удивленная улыбка.

– Я могу объяснить, – говорит она.

Они прежде говорили Уиллу, что он никогда не найдет порядочную женщину, если будет продолжать жить как студент. На диване и ковре видимый слой собачьей шерсти, во всей гостиной только одна неперегоревшая лампа, горы газет, невымытые кружки, туфли, брошенные в дверях, мелочь, разбросанная по кофейному столику. Уилл после получения степени магистра по образованию и социологии и короткой практики по программе «Учитель для Америки» работает над третьей диссертацией – по культурной антропологии. Он уже девять лет состоит в докторской программе Пенсильванского университета, планирует растянуть ее до десяти, если получит финансирование.

– Извини, у меня тут кавардак, – говорит он. – Я должен был...

Фрида говорит ему, чтобы он не переживал. У всех свои стандарты, и, если бы ее что-то смущало, она бы не пришла. Она бы не поблагодарила за тарелку тушеной чечевицы или бокал красного вина, не сидела бы за его кухонным столом и не фонтанировала бы бессвязными подробностями о ее очень плохом дне, отделении полиции, потере опекуинства и приходивших в ее дом людях, которые все перетрогали,

установили повсюду камеры, не говорила бы о том, как она два последних дня прячется под одеялом, чтобы поплакать в уединении.

Она ждет, что Уилл будет негодовать на власти или, напротив, осудит ее, скажет, какой же она была душой, но он говорит после паузы:

– Фрида, я знаю. Гаст мне рассказал.

– Что он говорил? Он меня теперь, наверно, ненавидит.

– Никто тебя не ненавидит. Он переживает за тебя. И я тоже. Я говорю, он определенно зол, но он не хочет, чтобы эти люди совались к тебе. Ты должна рассказать ему про этих клоунов.

– Нет. Пожалуйста. Ты ему не говори. У меня нет выбора. Эти люди – просто какое-то Штази долбаное. Мой адвокат говорит, это может продлиться несколько месяцев. Слышал бы ты, как они со мной разговаривали.

Уилл наливает им еще вина.

– Я рад, что ты пришла. Я хотел тебе позвонить.

До этого момента она не понимала, как хорошо видеть знакомое лицо. Уилл слушает ее вдумчиво, она рассказывает ему все заново. Об ушной инфекции Гарриет, о ее бесконечном плаче. О забытых на работе бумагах. Об иррациональном решении съездить в офис. О том, как она ничего не могла с собой поделаться, как ей нужно было срочно закончить работу, о том, что она никак не собиралась подвергать Гарриет опасности.

– Мне словно нужно, чтобы кто-то еще меня наказал, – говорит она. – Я себя ненавижу, к чертям собачьим.

Нехорошо, что она пришла сюда, нехорошо, что грузит его. Она видит, Уилл пытается найти какие-то слова поддержки, но не может. Вместо этого он переносит свой стул на другую сторону стола, садится рядом с ней, обнимает ее.

Может быть, если бы был кто-то, кто обнимал бы ее ночью... Ей все еще не хватает запаха Гаста. Тепла. Скорее не запаха, а физического ощущения. Рубашка Уилла пахнет тушеной чечевицей и псиной, но ей хочется прижаться головой к его шее, как она прижималась к Гасту. Она должна бы лелеять их дружбу, чтить ее, но она вместо этого представляет себе тело Уилла. Гаст как-то говорил ей, что видел обнаженного Уилла в раздевалке. У Уилла предположительно огромный член, источник его спокойной уверенности. Она размышляет, сможет ли она прикоснуться к его члену, не передала ли ему одна из его погубленных птичек какой-нибудь неизлечимой болезни. Она не поддавалась таким настроениям с юных лет, когда приходила в дома к мужчинам, которых выискивала в интернете, и уходила в синяках и плохо понимая, что с ней произошло.

Она смотрит на кустик волос на груди Уилла, выглядывающий из ворота рубашки, начинает играть с ним.

– Можно я тебя поцелую?

Уилл откидывается на спинку стула, краснеет.

– Детка, это плохая идея. – Он проводит рукой по воло-

сам. – Ты будешь себя ужасно чувствовать. Я говорю об этом из собственного опыта.

Она кладет руку ему на колено.

– Гаст не узнает.

– Не могу тебе сказать, что я никогда не думал об этом. Думал. Много. Но нам не стоит этого делать.

Она не отвечает, не смотрит на него. Она не готова возвращаться домой. Она подается к нему и целует, продолжает целовать, когда он пытается отпрянуть.

Уже больше года прошло с тех пор, как прикосновение мужчины было ей приятно. После того как Гаст съехал, они продолжали трахаться. Когда он привозил Гарриет и если Гарриет спала. И всегда Гаст говорил ей о своей любви, говорил, что тоскует по ней, что совершил ошибку, что, возможно, вернется. Он трахнул ее утром в день заседания суда по их бракоразводному делу, трахнул, только что покинув кровать Сюзанны.

Ей было хорошо при мысли о том, что он обманывает Сюзанну, что она крадет его у нее, хотя это и означало, что Гаст снова и снова уходит от нее. Ей пришло в голову, что, если она забеременеет, он может передумать. Были месяцы, когда она пыталась встретиться с ним во время овуляции. Она продолжает удивляться собственной глупости. Но дочь она научит быть другой. Отважной и мудрой. Иметь достоинство. Она донесет до нее, что трахаться с мужчиной, который не любит тебя, который решил, что не хочет тебя, даже если он

отец твоего ребенка, ничуть не лучше, чем ткнуть вилкой в глаз.

Ее психотерапевты во всем винили ее мать. Они говорили, что ее мать была слишком холодной. Фрида никогда не принимала этого объяснения. Она никогда не хотела изучать поведение собственной матери. Ей казалось, что объяснить его невозможно, говорить о нем вслух – ужасно. Она просто чувствовала себя более живой, когда кто-то хотел ее. Она видела тогда перед собой другое, лучшее будущее. Не одинокое. До знакомства с Гастом Фрида старалась оставаться неприметной и бесчувственной, будучи убеждена, что ей нужно всего несколько часов прикосновений. Она запомнила немногие имена, но тела она помнит и редкие комплименты, а также того, кто душил ее. И того, который заставил ее смотреть порно, когда она оседлала его. Помнит и того, кто связал ей запястья, да так сильно, что у нее руки затекли. И того, кто называл ее трусихой, когда она отказалась участвовать в оргии. Она гордилась тем, что смогла тогда сказать «нет», тем, что есть граница, за которую она не готова заходить.

Она проходит в гостиную и задергивает шторы. Какое буйство возможно теперь, десять лет спустя после тех ее пождений, после развода и рождения ребенка?

– Фрида, серьезно. Я польщен.

Может быть, он думает, что она все еще принадлежит Гасту? Может быть, он видит в ней только мать, к тому же плохую? Она подходит к нему, нервная и сухая. Он не воз-

ражает, когда она начинает расстегивать на нем рубашку.

Когда-нибудь она научит Гарриет никогда не вести себя так. Никогда не предлагать свое тело, как самый низкосортный кусок мяса. Она научит Гарриет целостности и самоуважению, она даст ей столько любви, что ее дочь никогда не станет попрошайкой. Ее мать никогда не говорила с ней о сексе, о теле или чувствах. Фрида не совершит такой ошибки.

– Ты меня видишь не в лучшей форме, – говорит Уилл. Ему нужно потерять фунтов двадцать. Ему нужно начать ходить в физкультурный зал. Она прикасается к жировой складке у него на животе и говорит, что он прекрасен, а в глубине души она довольна тем, что у него тоже есть растяжки по бокам и на нижней части спины.

Она бы ушла, если бы он попросил, но он не попросил, и она снимает бюстгальтер, трусики, надеясь, что ее печаль светится. Погубленные птички Уилла всегда излучали собственный свет, большеглазые и костлявые. На вечеринках она хотела потрогать их за горло, поиграть их длинными, спутанными волосами, спрашивала себя, каково это – носить свою печаль так близко к коже и быть желанными за это.

Она волнуется, видя, как Уилл разглядывает ее, отмечает ее гусиную кожу, руки, скрещенные под обвисающими грудями, неровный розовый шрам над лобковыми волосами. Она втягивает живот, смотрит на свои бедра, отвратительную складку над левым коленом. Он не должен был видеть

ее при свете, без романтической церемонии. Когда она была моложе, она могла преодолеть эту неловкость, но Уилл видел, как рос ее живот, чувствовал, как шевелится Гарриет. «Вторжение пришельцев, – говорил он, смеясь. – Инопланетное существо».

Гаст и Сюзанна, наверно, готовят теперь Гарриет ко сну. Когда Гарриет была у Фриды, Фрида ее купала, читала ей книжку, обнимала ее, выключала свет и желала спокойной ночи всему миру Гарриет. Спокойной ночи, стены, спокойной ночи, окно, спокойной ночи, занавески. Спокойной ночи, стул. Спокойной ночи, овечка. Спокойной ночи, одеялко. Спокойной ночи, пижамка. Спокойной ночи глазкам Гарриет, ее носику и роту. Спокойной ночи всем игрушкам и ее кровати, пока не наступало время для «Спокойной ночи, Гарриет» и разговора о галактиках.

Эрекция Уилла упирается в живот Фриды. Ей нужно знать, как спала Гарриет. Фрида зацепляет пальцем поясную петельку, но не может заставить себя прикоснуться к его предположительно громадному пенису, даже через джинсы. Если кто-нибудь узнает, что она была здесь...

– Я ужасная женщина, – шепчет она. Она берет его рубашку и прикрывает свое туловище. – Мне так стыдно.

– Ах, Фрида, ш-ш-ш-ш. Все в порядке. Все в порядке.

Он берет ее за шею, подтягивает к своей груди. Она чувствует щекой его жесткие волосы.

– Я домогалась тебя, – говорит она приглушенным голо-

сом. – Что за херня со мной?

Она не знала, что взрослая женщина может домогаться взрослого мужчину, но она сделала это. Что дало ей право прийти сюда и раздеться?

– Фрида, не будь так строга к себе.

Она заставляет его развернуться, а сама собирает свою одежду. Когда Гаст решил съехать, она обзвонила его ближайших друзей, надеясь, что кто-нибудь вправит ему мозги.

Именно Уилл выслушал ее по-настоящему, пока она рыдала и несла всякую чушь. По его паузам она поняла, что он знал про Сюзанну, знал, вероятно, уже некоторое время. Он сказал, что не одобряет ухода Гаста. Он сказал Фриде, что она еще молода и красива. Самая сладкая ложь.

Она снова собирает волосы в хвостик. Надевает рубашку наизуоборот. Она возвращается на кухню за сумочкой. Сейчас 18:17.

– Обещай, что ты никому не скажешь.

– Фрида, не сходи с ума. Ты не сделала ничего плохого.

– Нет, сделала. Ты пытался потакать мне. И мне не надо было соблазнять тебя. Клянусь тебе, я никакая не хищница. – Она хочет остаться здесь. Она могла бы устроиться на диване, в кладовке. Если бы она могла каждый день видеть хотя бы одно доброе лицо.

У двери Уилл целует ее в щеку, потом берет пальцами за подбородок.

– Мне типа понравилось увидеть тебя голой.

– Тебе не обязательно говорить это, чтобы я чувствовала себя лучше.

– Я искренне, – говорит Уилл. – Приходи еще как-нибудь, и, может быть, я покажу тебе себя.

Он смеется, потом прижимает Фриду к двери и целует.

* * *

Ванна холодит копчик. На бортиках чуть ниже кромки серые разводы, остатки плесени, которую она соскребла несколько дней назад. Она снимает очки, ложится ничком, прижимает к животу колени, сцепляет руки, ногти врезаются в ладони. Семья горлопанов в двух домах от нее курит травку на улице и звякает пивными бутылками. Громкоголосые белые американцы предъявляют права на пространство. Она никогда не предъявляла претензий на свое пространство. Гаст убеждал ее перестать извиняться перед этой шумерой со Среднего Запада. Но, может быть, некоторые люди просто не родились, чтобы предъявлять права на пространство. Она вот предъявила на два с половиной часа и потеряла ребенка.

Она поднимает ночнушку, думая о том, как выглядел Уилл, смотря на нее, когда они прощались. Она и Гаст, случилось, дразнили его, заставляли принимать такой вид за обедом. Взгляд назывался «трахнись со мной». Она никогда не могла без смеха смотреть таким взглядом на Гаста. У них

с Гастом были другие отношения, его рука всегда лежала на ее шее, рука Гаста-рулевого. Ей не хватает этого ощущения – быть женой, быть половиной чего-то. Отношения матери и ребенка – это другое, хотя Фрида помнит: когда родилась Гарриет, она подумала, что больше никогда не будет одна.

Она чуть не пошла назад в дом за Уиллом. Когда в последний раз кто-то, не считая Уилла, целовал ее по-настоящему?

Ей нужно вернуться в свою комнату, пусть они смотрят на нее. Она и без того засиделась здесь. Но ей требуется еще минута-другая. Минута для себя. Сквозь тернии к звездам, сказала ей Рени.

Фрида проводит рукой по грудям, по животу. Она стягивает с себя нижнее белье, закрывает глаза и гладит себя, кончает снова и снова, пока у нее голова не начинает кружиться и она не обмякает. Пока ее мозг не пустеет.

Назначенный судом психолог похож на опустившегося богача. Он отстраненный, но неприветливый. Благородные черты, говорит без акцента, вероятно, он с Главной линии³. У него двойной подбородок и заметные сосуды вокруг носа. Пьет, наверное. Обручального кольца нет. На чтение дела Фриды у него уходит вечность. Он едва узнал ее, когда она появилась, проводил на ее место, при этом набирая что-то на телефоне. Фрида предполагала, что психологом будет женщина, она не знает, к лучшему это или к худшему, если тебя оценивает белый мужчина пятидесяти с лишком лет. Вряд ли у него есть дети, и непохоже, чтобы его интересы ограничивались защитой детей. Впрочем, социальная работница и люди из службы защиты детей тоже не производили впечатления особо озабоченных защитой детства.

Фрида пять дней не говорила с Гарриет, неделю не видела и не держала ее на руках, только смотрела фотографии и видео дочери на телефоне, нюхала плюшевого мишку, который еще сохранял ее запах. Нужно ей было снимать больше видео, но она не хотела размахивать телефоном перед лицом Гарриет. Гаст, делая фотографии, всегда говорил, что фотографирование крадет частичку души, но к Сюзанне он под-

³ Главная линия (Main Line) – в Филадельфии неформальное название исторического окраинного городского района, когда-то очень престижного.

ходил с другими стандартами. Ее 1498 подписчиков видели Гарриет в одних подгузниках, Гарриет голенькую со спины, Гарриет в кабинете доктора, Гарриет в ванне, Гарриет на столике для переодевания, Гарриет только-только проснувшуюся утром, сонную и уязвимую. Селфи: Гарриет спит на плече Сюзанны, #блаженство. Эти чужие люди знают, что Гарриет ела на завтрак сегодня утром. Фриде отчаянно хочется самой увидеть это, но Рени заставила ее закрыть аккаунты в социальных сетях.

От запаха нафталина ее начинает тошнить. Она не надевала черный костюм со времени, когда в поисках работы проходила собеседования. Она наносит на лицо румяна, красит губы розовой помадой, волосы собраны в низкий пучок, на ней бабушкин жемчуг. Отвратительно сейчас его надевать. Самым большим желанием ее покойной бабушки было увидеть ее женой и матерью.

На столе психолога видеочамера размером с ладонь, аппарат нетвердо стоит на треноге, расположенной на стопке картонных папок.

– Миз Лью, прежде чем мы начнем. Английский – ваш родной язык?

Фриду передергивает.

– Я здесь родилась.

– Прошу прощения. – Психолог возится с камерой. – Ага, вот оно. – Загорается красный диод. Психолог распахивает желтый блокнот на чистой странице, снимает колпачок с ав-

торучки. Начинают они с истории семьи Фриды.

Ее родители профессора экономики, ныне пенсионеры. Иммигранты. Отец родом из Гуанчжоу, мать родилась в Нанкине. Они приехали в Штаты, когда им было немногим более двадцати и познакомились в магистратуре. В браке сорок четыре года. Фрида родилась в Энн-Арборе, выросла в Эванстоне, на окраине Чикаго. Единственный ребенок. Сейчас ее семья вполне устроена, но ее родители начинали с нуля. Отец в буквальном смысле был нищим. Когда она была ребенком, бабушка и дедушка жили с ними, переезжали с ними с места на место. И еще ее тетушка. Потом другая тетушка. Родня. Родственники. Ее родители помогали всей родне, пробивали им визы.

– Тогда это было возможно, – говорит она.

Психолог кивает.

– А что ваши родители думают об этом происшествии?

– Я им еще ничего не говорила.

Она смотрит на свои ногти, покрытые розовым лаком с желтым отливом, заусенцы ровно сострижены, залечиваются. Она не отвечала на их звонки. Они думают, она занята на работе. Целую неделю не говорить с Гарриет – это должно быть как пытка. Но Фрида не хочет выслушивать их вопросы – ни про Гарриет, ни про что угодно. Каждый звонок начинается с одного и того же вопроса на мандаринском: «Ты уже поела? Не голодна?» Их способ сказать: «Я тебя люблю». Сегодня утром она выпила кофе и съела инжирный ба-

тончик. В животе бурлит. Если бы они знали, что случилось, они бы прилетели сюда. Попытались бы все уладить. Но она не может показать им пустой дом, камеры, она не может допустить, чтобы они после бегства из коммунистического рая узнали: кроме такой дочери, как она, у них ничего нет.

Отец ребенка белый? Не возникали ли какие-то проблемы культурного порядка?

– Я думаю, как и все родители-китайцы, они хотели, чтобы я поступила в Стэнфорд и познакомилась с хорошим нейрохирургом. Еще одним АКП – ну, вы знаете: американцем китайского происхождения. Но Гаста они полюбили. Они считали, что он мне подходит. Наш развод их очень расстроил. Он всех расстроил. У нас только-только родился ребенок.

«Говори им только то, что необходимо», – предупреждала ее Рени. Психологу вовсе не обязательно знать, что до развода Фриды с Гастом в обеих ветвях семьи Фриды был только один развод, о котором в семье запрещалось упоминать. Запрещалось говорить, что брак с белым и сам по себе дело неважное, а уж развод – тем более, не говоря уже о потере права опеки.

Все бабушки и дедушки живут далеко, приезжать им трудно. Родители Гаста живут в Санта-Крузе, Калифорния, а ее родители – в Эванстоне, они видят Гарриет только по телефону и «Зуму».

– Эта страна слишком велика, – говорит она, вспоминая свой последний полет в Чикаго, когда Гарриет сидела на от-

кидном столике лицом к другим пассажирам. При мысли о том, что ее родителям станет все известно, ей хочется поднести нож к щеке, но ей вовсе не обязательно посвящать их в это пока. Пока. Дочерям позволительно иметь свои секреты в этом новом мире.

Бросив взгляд на камеру, она спрашивает, как будет использована сегодняшняя запись. Зачем делать запись, если он должен будет представить свое заключение?

– Вы собираетесь анализировать мои чувства?

– Не надо впадать в паранойю, миз Лью.

– Я не параноик. Я просто пытаюсь понять... критерии, по которым меня будут судить.

– Критерии? – Психолог хмыкает. – Ишь, какая вы сообразительная. – Психолог смеется, а Фрида расправляет плечи.

– Давайте поговорим о том, почему вы оказались здесь.

Рени советовала ей каяться. Она мать-одиночка, нормальная и измученная, но безобидная.

Фрида перечисляет весь набор обстоятельств, которые выбили ее из колеи: бессонница, больное ухо Гарриет, пять бессонных ночей, измотанные нервы.

– Я не пытаюсь оправдываться. Я знаю: то, что я сделала, совершенно недопустимо. У меня в голове все помутилось. Поверьте, мне очень стыдно. Я знаю: я подвергала ее опасности. Но то, что тогда случилось, мой поступок, вовсе не говорит о том, какая я на самом деле. Какая я мать.

Психолог жует авторучку.

– В предыдущий раз я была в таком состоянии сразу после родов. Вы знаете, как склонны к панике молодые родители. И я тогда не работала. Заботиться о дочери – это была моя единственная ответственность. И мой муж, мой бывший муж, все еще был с нами тогда. Предполагалось, что я два года не буду работать, проведу это время с ней. Я все еще пытаюсь понять, как мне строить мою жизнь дальше. Я обещаю: ничего подобного больше не случится. Это была ужасная оплошность с моей стороны.

– Чем вы занимались, перед тем как покинуть дом в день того происшествия?

– Работала. Я редактор факультетского издания в Уарто-не.

– Значит, вы работаете удаленно?

– Только в те дни, когда Гарриет со мной. Я устроилась на низкооплачиваемую работу, чтобы у меня была возможность быть с дочкой. Чтобы я могла свободнее распоряжаться временем. Большая часть моей работы довольно бессмысленна. Отправлять электронные письма. Умолять профессоров одобрить черновик. Они почти все относятся ко мне как к секретарю. Неидеально, но у нас уже выработался режим. Я работаю несколько часов, потом делаю перерыв, чтобы покормить ее и поиграть с ней, потом снова немного работаю, кладу ее на дневной сон, еще работаю немного, пока она спит. А потом работаю допоздна, когда укладываю ее на

ночь. Моя дочь прекрасно играет сама. Она не требует постоянного внимания, как другие дети.

– А разве все дети по своей природе не требуют постоянного внимания? Ведь они целиком и полностью зависят от тех, на чьем попечении находятся. Насколько я понимаю, вы позволяете ей смотреть телевизор?

Фрида обнаруживает дыру в колготках под правым коленом, просовывает в нее палец.

– Да, какое-то время она смотрит телевизор. «Улицу Сезам», «Мистера Роджера», «Тигра Даниеля». Я бы хотела целыми днями играть с ней, но мне приходится работать. Это лучше, чем отдавать ее в садик. Я не хочу, чтобы о ней заботились чужие люди. Я и так слишком мало ее вижу. Отдай я ее в садик, я бы видела ее, может быть, всего двенадцать часов бодрствования в неделю. Этого недостаточно.

– Вы часто позволяете ей играть в одиночестве?

– Не часто, – говорит она, стараясь прогнать ожесточение из голоса. – Иногда она играет в своем углу гостиной, иногда рядом со мной. По крайней мере, мы вместе. Разве не это самое главное?

Психолог молча записывает что-то. Фрида вспоминает свои споры с матерью о том, как ей работать, когда она вернется на работу, – на полной ставке, или половинной, или лучше на фрилансе. Ее отправляли в хорошие школы не для того, чтобы она была мамой-домохозяйкой. Жить на единственный доход Гаста – утопия, сказала ей мать.

Психолог спрашивает, считает ли Фрида воспитание ребенка неподъемным или стрессогенным занятием. Он спрашивает, нет ли у нее пристрастия к алкоголю или наркотикам.

– В записях миз Торрес упоминается депрессия.

Фрида ковыряет пальцем дыру в колготках. Как же она забыла, что у них есть это оружие против нее?

– Мне поставили диагноз «депрессия» в колледже. – Она хватается за колено, чтобы нога перестала дергаться. – Но у меня она мягко проходила. Я принимала «Золофт», но перестала давным-давно, еще до того, как стала пытаться забеременеть. Своего ребенка действию химии я никогда не подвергала.

Не случались ли у нее рецидивы? Не было ли у нее послеродовой депрессии или тревоги? Послеродового психоза? Не приходила ли ей в голову мысль как-то повредить себе или ребенку?

– Категорически нет. Мой ребенок меня исцелил.

– Трудности с ней были?

– Она идеальный ребенок.

Этому человеку ни к чему знать о первом месяце жизни Гарриет, о взвешиваниях в кабинете педиатра, когда дочь слишком долго не возвращалась к весу при рождении, когда у Фриды не хватало молока. Врач требовал, чтобы она сцеживалась после каждого кормления. Как тогда Фрида завидовала матерям с чистыми волосами и неизмученными ли-

цами! Их груди наверняка производили достаточно молока. Их дети идеально захватывали сосок и урчали от счастья. Гарриет никогда не урчала, даже в первые дни. Фриде дочка казалась несчастной и не от мира сего.

Когда психолог спрашивает про физическую близость, Фрида признает, что родители редко ее обнимали или говорили: «Я тебя люблю» – именно такими словами. Но к старости они стали более ласковыми. В китайских семьях люди более сдержанны. Она на них за это не в обиде. Она будет вести себя иначе с Гарриет, она, возможно, обнимает и целует Гарриет даже *слишком* часто.

– Значит, ваши родители люди сдержанные.

– Я не думаю, что говорить так справедливо. Заботы обо мне лежали в основном на моей бабушке. Матери моей матери. Она умерла двенадцать лет назад. Я каждый день ее вспоминаю. Как я жалею, что она не дожила до рождения Гарриет. Большую часть моего детства мы делили с ней комнату. Она очень меня любила. Вы должны понять: работа моих родителей требовала полной отдачи. Они испытывали сильное давление. То, что они выбились в профессора, не означает, что жизнь стала легкой. Они не только о нас заботились. Они несли груз ответственности и за своих родителей. И за своих сестер и братьев. Они помогали всем. У кого-то из родни были долги. У моего отца от стресса развилась язва. У них на меня не оставалось времени. Вы не можете судить их по американским стандартам.

– Миз Лью, я чувствую, вы начинаете защищаться.

– Мои родители обеспечили мне очень хорошую жизнь. Они сделали для меня все, что могли. Это я напортила. Я не хочу, чтобы кто-то их обвинял.

Психолог уходит от этой темы. Они обсуждают ее реакцию на плач Гарриет, нравится ли ей заботиться о Гарриет, инициирует ли она игры, как использует похвалу. Она отвечает так, как, по ее мнению, вероятно, ответили бы мамочки с детской площадки, рассказывает о жизни, которая управляется терпением и радостью, голос ее повышается, приобретает девическую ломкость. Окажись любая из этих мамочек в ее положении, ослепила бы себя или выпила хлорки.

– Вы сказали, что от вас ушел муж.

Фрида напрягается. Она говорит, что они прожили вместе восемь лет, женаты были три года, их познакомили общие друзья на вечеринке в Краун-Хейтс.

– Гаст сказал, что сразу же положил на меня глаз. У меня на это ушло больше времени.

Брак был благополучный и счастливый. Гаст стал ее лучшим другом. С ним она чувствовала себя в безопасности. Она умалчивает о том, что раньше у них было больше общего, что у Гаста было чувство юмора, что желание иметь ребенка от него убедило ее вообще родить ребенка, что он был разумным человеком, доверял науке и медицине, что позднее они спорили о том, как ей рожать. О ее отказе рожать дома или с повитухой. О ее спокойном отношении к эпиду-

ральной анестезии.

Она рассказывает о том, как проходили беременность и роды, о том, как она узнала о Сюзанне, о короткой попытке примирения, о своем разбитом сердце.

– Гарриет было два месяца, когда я узнала о его романе. У нас не было возможности создать настоящую семью. Я думаю, если бы Гаст дал нам шанс... – Она смотрит в окно. – Я просыпалась три раза за ночь, чтобы покормить дочь грудью. Извините, не слишком ли интимные подробности?

– Продолжайте, миз Лью.

– Мы существовали в режиме выживания. Стресс повлиял на молоко, к тому же я приходила в себя после кесарева. Мы хотели этого ребенка. Мы и приехали сюда, чтобы семью создать.

Психолог подает Фриде салфетку.

– Я бы приняла его назад. Я хотела, чтобы мы прошли курс психотерапии, но он продолжал с ней встречаться. Это он решил развестись, не я. И он не боролся за сохранение семьи. Гаст – хороший отец, я знала, что он будет хорошим отцом, но он ведет себя так, словно не может управлять тем, что происходит, словно их с Сюзанной соединила судьба.

– Расскажите мне о ваших отношениях с его дамой сердца.

– Как вы говорите – «дама сердца»? Ну, я бы сказала, что эта дама сердца имеет некоторые проблемы с границами. Она меня не уважает. Я пыталась установить границы, но

ничего не меняется. Моя дочь – не проект, а Сюзанна – не ее мать. Сюзанна всегда навязывает свои представления, будто она что-то понимает. Она работает диетологом. А у нее даже и здоровье неважное. Она была танцовщицей. Вы же знаете, какие они – танцовщицы.

Есть ли у Фриды мужчина? Познакомила ли она Гарриет с кем-то из своих бойфрендов?

– Я не готова к тому, чтобы заводить бойфрендов. И я бы не стала знакомить Гарриет с мужчиной, если наши отношения не были бы серьезными. А вот Гаст, на мой взгляд, как-то уж слишком быстро познакомил Гарриет с Сюзанной.

Ей хочется сказать больше, и она все больше волнуется.

– Он переехал к Сюзанне сразу же, и я вдруг поняла, что должна возить своего ребенка на квартиру к этой девице и постоянно с ней взаимодействовать. Видеть ее с моим ребенком на руках...

Фрида пощипывает кожу на переносице.

– Я не хотела, чтобы Гарриет находилась с Сюзанной даже в одной комнате. А тут она по полнедели жила там. Гаст говорил, что наймет няню. Я предложила помочь в поисках. Ведь не предполагалось, что заботу о ребенке он возложит на свою подружку. Я на такое никогда не давала согласия. Мне совершенно безразлично, гибкое у нее расписание или нет. Мне совершенно все равно, хочется ли ей ухаживать за ребенком или нет. Моя дочка теперь проводит с этой девицей больше времени, чем с родителями, а так не должно быть.

Туфли Уилла стоят ровными рядами. Ковер пропылесосен, почта и мелочь убраны, по всей квартире прошлись влажной тряпкой. Собака выслана на задний двор. Фриде не стоило приходить сюда с мыслью затеять какую-нибудь смуту вечером в пятницу, но что значит один неправильный поступок после такой прорвы провалов?

Уилл сбрил бороду, выглядит моложе. Он красив. Фрида никогда не видела его чисто выбритым. Ямочка на подбородке – сюрприз. Со временем она, может быть, начнет восхищаться его лицом. Если она влюбится, это пойдет ей на пользу. Социальная работница увидит нежность в ее глазах. Гарриет тоже это увидит.

Завтра утром первое посещение под наблюдением. Она сидит рядом с Уиллом и признается, что, возможно, теряет рассудок. Она продолжает вспоминать разговор с психологом и свои ответы. Следовало лучше подготовиться, нужно было уходить от вопросов про Сюзанну, больше говорить о Гарриет, о своей любви к дочери.

– Завтра у меня с ней будет всего час.

– У тебя все прекрасно получится, – говорит Уилл. – Ты должна поиграть с ней, да? И они будут наблюдать, как ты с ней играешь? Представь себе других родителей, с которыми они имеют дело.

– А если это мне не поможет?

Она вчера встречалась с социальным работником. Ее кабинет украшен детскими рисунками. Цветные мелки, фломастеры, пастельные карандаши. Примитивные изображения человечков и деревьев. Несколько котов и собак. Это место словно населено призраками, как если бы Фрида вошла в логово педофила.

В стену встроена камера. Кто-то нарисовал желтые лепестки вокруг объектива, который таким образом оказался в середине росписи, изображающей подсолнухи, словно чтобы ребенок не заметил.

Повторялись те же вопросы. Мотивы Фриды. Ее душевное здоровье. Понимает ли она основные родительские обязанности? Ее представление о безопасности. Ее стандарты чистоты. Социальная работница спросила о питании Гарриет. В холодильнике Фриды были контейнеры с едой навынос, немного батата, одна упаковка овсянки, два яблока, немного арахисового масла, сырны палочки, немного специй, молока всего на один день. Полки в шкафах почти пусты. Почему Фрида кормит свою полуторагодовалую дочку соленой едой из ресторана? Почему она не кормит ребенка хорошей диетической пищей?

На что простираются ее запреты в отношении ребенка? Как она проводит в жизнь правила? Какие рамки она считает нормальными? Угрожала ли она когда-нибудь Гарриет телесным наказанием?

Воспитывается ли Гарриет двуязычной? Что имела в виду Фрида, когда сказала, что ее мандаринский всего лишь поверхностный? Говорит ли она с родителями на китаизированном английском? Не лишает ли она тем самым Гарриет важнейшей части ее национальных корней?

Как насчет их любимых игр? Возит ли она к кому-нибудь дочку на игры? Как часто она приглашает бебиситтеров и досконально ли она их проверяет? В какой степени она считает допустимым обнажаться перед дочкой, заниматься сексом у нее на глазах? Каково ее отношение к манерам, аккуратности, чистоте, времени, когда нужно укладывать спать, шуму, телевизору, послушанию, агрессии?

Вопросы были детализированы в большей мере, чем это предполагала Рени. Как и прежде, Фрида пыталась копировать мамочек с детских площадок, но в ее ответах было слишком много неуверенности, слишком много противоречий. Она не проявила достаточного внимания, достаточно выдержанности, достаточно преданности, достаточно китайскости, достаточно американскости.

Никто бы не назвал ее естественной. В кабинете социальной работницы ее черный костюм с юбкой выглядел слишком строгим. Ей не следовало брать свою лучшую сумочку или надевать рубиновые серьги. Она в приемной была единственной небедной, единственной одетой не кое-как.

Социальному работнику нужно поговорить с родителями Фриды. Фрида наконец-то позвонила им вчера вечером. Она

в один прием пробормотала свои признания, попросила их не говорить слишком много, объяснила, что разговор записывается. Они, как и все остальные, хотели знать почему. Если она так устала, то почему не прилегла вздремнуть? Если у нее забот по горло, то почему она не попросила помочь Гаста? Или Сюзанну? Почему она не пригласила бебиситтера?

«Это не должно было случиться», – сказал ее отец.

Когда она снова увидит Гарриет? Когда они смогут увидеть Гарриет? Они не могут увидеть Гарриет. Могут ли они позвонить Гарриет? Кто решает такие вещи? Это законно?

«В какую беду ты попала? – прокричала мать. – Почему ты нам не сообщила?»

Уилл спрашивает, не голодна ли она. Они могут заказать тайскую еду. Эфиопскую. Посмотреть кино.

– Тебе не обязательно меня кормить.

Завтра она должна предьявить себя в лучшем виде как мать. Она будет вызывать доверие. Она все еще способна на такое. Если бы она и вправду была бесшабашной, то нашла бы кого-нибудь постороннего. Если бы она и вправду была бесшабашной, Уилл не навел бы порядок у себя в доме. Не побрился бы. Если бы она и вправду была бесшабашной, то он бы оттрахал ее на полу, а не повел бы в свою аккуратную теперь спальню. Он не стал бы спрашивать разрешения, прежде чем начать ее раздевать.

Уилл отказывается выключать свет. «Я хочу тебя видеть», – говорит он. Она, как граблями, проходит пальцами

по жестким волосам на его животе. Его огромный член впускает ей страх. Она никогда не видела своими глазами члена таких размеров. Только его кончик умещается у нее во рту.

Когда Уилл находит презерватив, они предпринимают первую из многих попыток найти лучшую позицию. Они пробуют Фриду сверху, Фриду на коленях, Фриду на спине, ее ноги на плечах Уилла. Ее смущают ограничения собственного миниатюрного девичьего тела. Чтобы войти в нее, требуется целая горка лубриканта, выдавленная сначала на ладонь, и несколько выдохов полной грудью, его член – не третья нога, а рука, целая рука, по локоть уходящая в нее.

– У меня такое чувство, будто мой член дошел до твоего черепа, – говорит Уилл, улыбаясь своему везению. – Боже мой, ты такая тесная, охереть можно.

«Ты сложена как двенадцатилетняя девчонка, – говорил ей Гаст. – Ты теснее Сюзанны».

Фрида обхватывает ногами поясницу Уилла. Она помнит руки в больнице. Пять различных рук за тридцать четыре часа: три врача-ординатора, два акушера. Ее мучители. Их руки заходили внутрь, вверх, шарили внутри, проверяли положение головки плода. Против воли Гаста ей сделали эпидуральную анестезию на пятнадцатом часу. На тридцать втором часу ей сказали, что можно тужиться. Два часа спустя головка ребенка оставалась в том же месте. Никакого прогресса, сказали они. Частота сердцебиений ребенка падает. Появились еще доктора и медсестры. Ее тело при продолжа-

ющихся схватках быстро перенесли в операционную, где ее ждала дюжина человек в масках. Кто-то пристегнул ей руки к столу. Кто-то установил над ней голубую занавеску. Ее тело стало стерильным полем.

Свет был невыносимо ярким. Анестезиолога она возненавидела. «Вы это чувствуете?» Прикосновение к щеке. «А это?» Прикосновение к животу. «Нет? Хорошо».

– Детка, ты в порядке? – спрашивает Уилл.

– Продолжай.

Доктора разговаривали о кино, которое недавно смотрели. Она слушала, как звякают их инструменты. Гаст сидел у ее головы, он онемел от усталости, не смотрел на нее. Она сказала ему, что должна была попробовать еще, посильнее. Ждала, что он скажет: «Нет, не должна», – назовет ее храброй. Кто-то положил руки на ее плечи. Ей нравился хриловатый голос этого человека, спокойная тяжесть его рук. Она на все была готова ради него. Он продолжал прикасаться к ней, гладил ее волосы. Потом сказал: «Вы сейчас почувствуете небольшое давление».

* * *

Фрида прикрывает глаза козырьком ладони и смотрит на эркерное окно Гаста и Сюзанны. Она пришла на двадцать минут раньше назначенного. В прошлом году они купили просторный кондоминиум в нескольких кварталах от Му-

зая искусств на недавно облагороженном участке Спринггардена. Сюзанна родилась в семье «старых денег» в Виргинии. За кондоминиум наличными заплатили ее родители и к тому же дали ей ежемесячное содержание. Каждый раз, приходя к ним, Фрида не может воздержаться от сравнений. В их доме в изобилии естественный свет и высокие потолки, в каждой комнате марокканские ковры. Несколько диванов, обитых бархатом темно-синего цвета. Растения на каждом подоконнике, вазы со свежими цветами на антикварных деревянных столиках. Картины, писанные друзьями Сюзанны, мебель, передававшаяся из поколения в поколение. Фрида в порядке самоистязания просматривает по вечерам последние посты Сюзанны в «Инстаграме». Она видит своего прекрасного щекастого ребеночка на покрывале из овечьей шерсти или дизайнерских одеяльцах, идеально подходящих к интерьеру комнаты.

Социальная работница опаздывает на четыре минуты, потом на пять, потом на девять, потом на двенадцать. Сегодня утром социальная работница увидит, что в доме Гаста и Сюзанны всегда безукоризненно чисто. Она не узнает, что к ним раз в неделю приходит уборщица.

Гаст вчера отправил ей эсэмэску, сообщил: Сюзанна извиняется, что не сможет присутствовать – она на ретрите в Беркширских горах. Она просит передать слова любви и поддержки Фриде. «У тебя получится», – отправила сообщение Сюзанна.

Фрида проверяет свое отражение в стекле автомобильного окна. В фильмах про матерей, ищущих искупления, плохие матери такие героини, прячут свои пороки под скромными шелковыми блузочками, заправленными в безвкусные юбки. Они носят туфли на низком каблуке и телесного цвета колготки. Фрида одета в серую шелковую блузку без рукавов, кардиган с воротником, отделанным блестками, черную юбку до колен, туфли на низких шпильках. Челка у нее аккуратно выровнена, покрасилась она скромно, волосы пригладила и собрала в низкий хвостик. У нее целомудренный и безобидный вид женщины среднего возраста, то ли воспитательницы из детского сада, то ли матери-домохозяйки, считающей минет необходимым злом.

Продолжительное общение, говорит социальная работница. Час игры и разговоров. Фрида не может оставаться с Гарриет наедине, не может вывести ее на улицу, не может принести ей подарок. Социальная работница будет обеспечивать физическую и эмоциональную безопасность ребенка.

Фрида чувствует прикосновение к своему плечу.

– Доброе утро, миз Лью.

Социальная работница снимает зеркальные солнцезащитные очки. У нее великолепно здоровый вид. Бледно-розовое платье подчеркивает медную кожу, красоту обнаженных рук и осиную талию. На ногах лодочки из лакированной кожи телесного цвета.

Они обмениваются любезностями, перекидываются сло-

вами о погоде – день сегодня солнечный и сухой, температура почти восемьдесят пять⁴. Социальная работница чуть не сто лет нарезала тут круги, пока не нашла место для парковки, да и то в четырех кварталах.

– В этот район я почти не приезжаю.

Фрида спрашивает, не получит ли она с Гарриет немного дополнительного времени – ведь начинают они позже.

– Вы сказали, у нас будет час.

– Я не могу передвинуть другие встречи.

Во второй раз Фрида не спрашивает. У двери она предлагает воспользоваться своим ключом, но социальная работница говорит «нет». Она звонит в квартиру 3F. Наверху социальная работница просит Фриду подождать за дверью, пока она не поговорит с Гастом.

Фрида достает телефон. Они опаздывают уже на восемнадцать минут. Она надеется, что Гаст подготовил Гарриет. «Дело не в том, что мамочка не хочет побыть с тобой подольше. Дело не в том, что мамочка не хочет приносить тебе подарков. Все это для мамочки лишено смысла». Вероятно, и для Гарриет тоже. Гарриет думает, что маме дали тайм-аут. Социальная работница попросила Гаста объяснить это дочери понятным для нее языком. Не имеет значения, сказала социальная работница, что Гаст и Сюзанна не устраивают тайм-ауты⁵ для ребенка. Гарриет так или иначе поймет,

⁴ Около 30 градусов Цельсия.

⁵ Воспитательная мера, наказание, при котором ребенок, совершивший про-

в чем суть.

Фрида прижимает ухо к двери. Она слышит, что социальная работница возится с камерой. Гарриет хнычет. Гаст пытается ее успокоить, говорит, чтобы не боялась.

– Тебе нечего бояться, – говорит Гаст. – Это только мамочка. Миз Торрес и мамочка.

Фрида не хочет, чтобы между их именами устанавливалась связь. Она не хочет быть здесь с сопровождением. Когда Гаст открывает дверь, социальная работница стоит за его спиной и уже снимает.

Гаст обнимает ее.

– Как она? – спрашивает Фрида.

– Немного капризничает. Не понимает, что происходит.

– Сочувствую. – Она надеется, он не заметит, что она недавно трахалась. Она заставила Уилла пообещать, что он никому не скажет. Прошлым вечером у нее на трусиках была кровь. До сих пор саднит.

– Миз Лью, давайте начнем.

Гаст говорит, что будет в своем кабинете, если им что понадобится. Он на ходу целует ее в щеку.

Гарриет прячется под кофейным столиком. Фрида оглядывается на социального работника. Плохое начало. Социальная работница следует за Фридой в гостиную, где та опу-

ступок, должен некоторое время (обычно измеряемое десятью-пятнадцатью минутами) провести «под арестом» – молча сидеть в какой-либо из комнат. Если ребенок нарушает режим наказания, то время обнуляется.

кается на колени рядом с расprostертым телом Гарриет и опасно гладит ей животик.

– Я здесь, детка. Мамочка пришла. – Комок у Фриды не в горле – в глазах, в кончиках пальцев. «Пожалуйста, – думает она. – Пожалуйста, детка». Гарриет высовывает голову и улыбается, она складывается калачиком, закрывает лицо руками. Она не двигается с места.

– Мамочка, иди. – Гарриет манит Фриду присоединиться к ней под столом. Когда Фрида пытается ухватить ее за ноги, Гарриет отодвигает их. Фрида спрашивает, прошел ли уже час.

– У вас осталось тридцать пять минут, миз Лью. Почему бы вам не начать играть? Мне нужно увидеть, как вы с ней играете.

Фрида щекочет босые пяточки Гарриет. Гаст и Сюзанна облачают ее в одежду такого унылого цвета. На Гарриет серая рубашечка и коричневые легинсы. Скоро Фрида купит ей новые платья. С полосками и цветочками. Они снимут новый дом. В другом районе. Чтобы не было плохих воспоминаний.

– Раз, два, три! – Фрида за ноги вытаскивает Гарриет из-под стола. Гарриет радостно визжит.

Фрида поднимает ее.

– Дай-ка я посмотрю на тебя, детка.

Гарриет улыбается, показывая несколько молочных зубов. Она липкими ладошками обхлопывает блузку Фриды. Фри-

да покрывает ее поцелуями. Она проводит пальцем по ресницам Гарриет. Поднимает фуфаячку на дочери, с фырканьем проходится губами по ее животу, отчего Гарриет хихикает. Это единственная радость, которая важна для нее. Все зависит от того, позволено ли ей или нет прикасаться к своему ребенку, видеть ее.

– Мамочка так по тебе скучала.

– Не шептать, миз Лью.

Социальная работница в двух футах от нее. Фрида чувствует ванильный запах ее парфюма.

– Миз Лью, не закрывайте от меня лицо ребенка. Почему бы вам не начать играть? У нее здесь есть какие-нибудь игрушки?

Фрида загораживает Гарриет своим телом.

– Пожалуйста, дайте нам минуту. Мы не видели друг друга одиннадцать дней. Она же не тюлень.

– Никто не сравнивает ее с тюленем. Это вы пользуетесь таким языком. В ваших интересах поскорее начать.

Гаст и Сюзанна держат игрушки Гарриет в деревянном коробе рядом с кроватью. Гарриет отказывается сделать несколько шагов к коробу. Она хватается за ногу Фриды и требует, чтобы мать ее несла. С Гарриет на бедре Фрида достает фетровых кукол и мягких зверушек, деревянные кубики с детскими стишками. Она пытается увлечь Гарриет наборной пирамидкой из колечек, резным динозавриком на колесах.

Гарриет не хочет, чтобы Фрида опускала ее на пол. Она смотрит на социального работника испуганными глазами, подняв брови.

Фрида знает это выражение. Она возвращает Гарриет на пол.

– Детка, извини. Нам нужно поиграть. Мы можем с тобой поиграть для этой замечательной тети? Пожалуйста, детка. Пожалуйста. Давай поиграем.

Гарриет пытается забраться на колени матери, а когда Фрида наскоро обнимает ее и просит выбрать игрушку, Гарриет начинает вопить. Ее капризность набирает обороты с пугающей скоростью и переходит в полномасштабное вулканическое извержение. Гарриет падает животом на ковер, молотит по нему руками и ногами, выпускает птичий вопль, который слышен по другую сторону океана.

Фрида переворачивает Гарриет на спину, целует, просит успокоиться. Гарриет трясет. Она показывает на социального работника и кричит:

– Уходи!

– Фу, как некрасиво. – Фрида ставит Гарриет на ноги, держит ее за плечи. – Немедленно извинись перед миз Торрес. Мы так ни с кем не разговариваем.

Гарриет ударяет Фриду, царапает ей лицо. Фрида хватается за запястья.

– Посмотри-ка на меня. Мне это не нравится. Не надо бить мамочку. Мы никого не бьем. Ты должна извиниться.

Гарриет топает ногой и кричит. Социальная работница подходит ближе.

– Миз Торрес, не могли бы вы сесть за стол? Она нервничает. Вы ведь можете взять крупный план и оттуда, да?

Социальная работница игнорирует просьбу Фриды. Гарриет не собирается извиняться. Гарриет хочет еще объятий.

– Ну же, детка, нам нужно поиграть. Миз Торрес хочет посмотреть, как мы играем. У мамочки остается мало времени.

Социальная работница опускает камеру и смягчает голос:

– Гарриет, мы хотим посмотреть, как ты играешь. Поиграй с мамочкой, хорошо?

Гарриет выгибает спину. Она выкручивается из рук Фриды. И бросается на социального работника. Фрида не успевает ее схватить. Она в ужасе видит, как Гарриет кусает социального работника в руку.

Социальная работница вскрикивает.

– Миз Лью, контролируйте вашего ребенка!

Фрида оттаскивает Гарриет.

– Извинись перед миз Торрес немедленно. Не смей кусаться. Мы никогда не кусаемся.

Гарриет выпускает злобный поток невинности.

– Нет-нет-нет!

Появляется Гаст посмотреть, что происходит. Социальная работница сообщает ему о нападении Гарриет.

– Она нервничает, Гаст, – говорит Фрида.

Гаст просит социального работника показать ему руку. Он

спрашивает, не больно ли ей. От зубов Гарриет у социального работника остались отметины. Гаст просит показать их. Он многословно извиняется. Гарриет никогда себя так не ведет.

– Она не кусака, – говорит он.

Гаст несет Гарриет на диван поговорить. Фрида уходит на кухню за стаканом воды для социального работника. Она кладет лед в полиэтиленовый пакетик на молнии, заворачивает его в полотенце. Она в ужасе, но и полна гордости. Это *ее* ребенок. Ее союзник. Ее защитник.

Социальная работница прижимает лед к укусу. Гарриет не собирается извиняться, несмотря на все усилия Фриды и Гаста.

– Миз Лью, у вас остается еще пять минут. Давайте будем заканчивать.

Фрида умоляет Гарриет поиграть. Но Гарриет хочет только отца. Она не отпускает его. Через слово у нее слышится «папа».

Фрида подсаживается к ним и беспомощно смотрит, как они играют с набором деревянных лошадок. Разве минуту назад они не были союзниками? Разве она не защищала мамочку от плохой тети? Неужели все дети такие переменчивые? Остается еще два посещения. Гаст подготовит Гарриет к следующему, объяснит, как это важно. Судья поймет – ведь Гарриет еще и двух лет нет. Он увидит, что Гарриет ее любит. Что Гарриет хочет быть с ней. Судья увидит, что у Гар-

риет буйное сердце.

Пятница в конце сентября, влажный полдень. Прошло шесть дней с ее последней встречи с Гарриет, почти три недели с «очень плохого дня». Фрида прячется в женском туалете на работе, прослушивает в голосовой почте невыносимо спокойный голос социальной работницы. Посещение, назначенное на завтрашнее утро, переносится. Социальная работница назначила на одно время сразу две встречи. «Такое случается», – говорит миз Торрес. Она перезвонит и назовет новую дату и время, когда у нее появится окно.

Фрида слушает сообщение еще раз, думая, что пропустила извинения, но их нет. Она ударяет ладонью по двери кабинки. Всю неделю она измеряла время этим посещением. Дни до Гарриет, дни после Гарриет. Еще один час, на который она отвоевывает своего ребенка.

Она должна была знать, что будет наказана. Когда они прощались в прошлый раз, она украла лишнее время для себя, лишний раз обняла и поцеловала Гарриет. Она все еще чувствует пальцы социальной работницы у себя на локте, все еще слышит ее голос: «Хватит, миз Лью».

Когда они вышли из квартиры, социальная работница прочла Фриде целую лекцию про границы. Ребенок явно уже был готов попрощаться. Ребенок уже не хотел никаких объятий.

– Вы должны признать разницу между тем, что хотите вы и что хочет она

Фрида шла со сжатыми кулаками. Ее пальцы в туфлях сжались. Она наклонила вперед голову, вперилась взглядом в татуировку четок на щиколотке социальной работницы. Если бы она заглянула в ее глаза, то, возможно, нанесла бы первый в своей жизни удар кулаком по лицу.

Двери туалета открываются. Две студентки начинают сплетничать у раковины. У одной из них сегодня свидание, встречается с кем-то по предложению специальной компьютерной программы, которая подбирает оптимальные пары по феромонам.

Фрида отправляет эсэмэску Рени об отмене. Она хочет назвать миз Торрес садисткой, какая она и есть на самом деле, но ее высказывания должны быть осторожными. «Завтра отменяется, – пишет она. – Второе посещение =???»

Она всюду должна говорить так, как если бы ее подслушивали Нет, говорит Рени, Фрида не должна покупать мобильник с предоплаченной симкой. Не должна создавать новые почтовые ящики, не должна ничего искать в библиотеке, должна следить за своим языком, когда говорит с родителями, друзьями, коллегами. Все они могут быть подвергнуты допросу. «Тебе нечего скрывать, – сказала Рени. – Повтори мне, Фрида: "Мне нечего скрывать"».

Фрида слушает Рени под щелчки, издаваемые тюбиками с помадой и пудреницами. Девушки обсуждают достоинства

программы, которая подыскивает пары по голосам. Программы, которая подыскивает пары на основе общих маршрутов, имитируя случайное знакомство в поезде.

Фрида могла бы посмеяться. Идея нормального уик-энда. Она протирает глаза туалетной бумагой и возвращается за свой стол.

Облегчение, которое она испытала, придя на работу, быстро испарилось, ее маленький кабинет был всего лишь еще одним местом, где она тоскует по Гарриет и обдумывает свои ошибки. Если бы она была более внимательной по отношению к миз Торрес. Если бы у них было несколько часов, а не один. Если бы она никогда не ходила в дом Уилла. Если бы ей удалось убедить Гарриет поиграть. Если бы не случилось этого скандала и укуса. Если бы они были вдвоем – без часов, камер, без этой женщины, требующей, чтобы они вели себя естественно.

Фрида должна была сегодня утром вернуть боссу проверенную корректуру. Она раскладывает страницы на столе, проверяет, есть ли ошибочные запятые, не исковерканы ли имена и фамилии факультетских преподавателей. Она гордилась своим острым глазом, но сегодня она почти не понимает смысла слов, ее почти не волнует, успеет ли она вовремя распечатать файлы. Нужно, чтобы Гаст извинился от ее имени. Гарриет должна знать, что мама думает о ней каждую секунду. Это не мамин выбор. Это не вина мамы. Миз Торрес могла бы отменить свой поход к другой семье.

После обеда Фрида поднимается в спальню Гарриет, как она делала это каждый вечер после того злосчастного свидания под присмотром. Она встает лицом к камере, опускается в темноте на колени, мысли ее возвращаются в прошлое и уходят в будущее, не желая принимать невыносимое «сейчас». Рени считает, что штат должен увидеть ее покаяние. Она должна работать, или молиться, или делать физические упражнения. Она не должна смотреть телевизор, убивать время за компьютером или телефоном. Она должна показывать им, что мучается чувством вины. Чем больше она страдает, чем больше плачет, тем больше штат будет ее уважать.

В комнате пахнет химией. Ароматизатор с запахом вербены. Здесь больше не пахнет Гарриет, и Фриде не хватает этого и всего остального. Несколько игрушек после стирки выцвели и потеряли форму. Она до блеска отполировала кровать и кресло-качалку. Вычистила плинтусы и подоконники, вымыла стены. Ее руки огрубели – она два раза в неделю выскребает до блеска туалет и кухню. И всегда без перчаток, ее потрескавшиеся ладони и сорванные заусенцы – как влазяница для монаха.

Рени беспокоится о том, какую роль в суде может сыграть укус. Ее беспокоит, что социальная работница не видела иг-

ры. Она собирается сказать в суде, что социальная работница спровоцировала Гарриет, что реакция девочки при данных обстоятельствах была естественной. Что мать и дочь не виделись много дней. Устоявшийся порядок был разрушен. Девочка никогда не играет с матерью у Гаста и Сюзанны, никогда не играет по команде, никогда с таймером.

Ей хотелось бы понять, какую форму ей следует придать своему телу во время сна, кто за ней наблюдает – человек или только робот, что их интересует – какие выражения лица и какие позы. Она могла бы кланяться им, три раза прижимать к полу ладони и лоб – так ее семья молилась Будде, ища у него защиты.

Кто защитит ее теперь? Фрида надеется, что судья по семейным делам не лишен чувств. Она надеется, что судья, если он или она бездетны, по крайней мере имеет кошку или собаку, кого-то с душой, что он или она знает, что такое бескорыстная любовь, раскаяние. Служба защиты ребенка должна требовать от своих сотрудников именно таких качеств.

Она меняет позу, поворачивается, теперь камера видит ее в профиль. Ее бедра вывернуты. Поясница болит. Она недавно пыталась вспомнить начало. Как она поднесла Гарриет к окну в их палате, в первый раз показала ей естественный свет. Розовая кожа Гарриет, недавно впервые подвергшаяся воздействию воздуха, теперь начала шелушиться. Ей все время хотелось прикасаться к личику Гарриет, ее удив-

ляли огромные щечки дочери и европейский нос. Как это она умудрилась родить ребенка с голубыми глазами? Вначале было ощущение, что у них на попечении некое доброжелательное существо, но еще не человек. Сотворение нового человека казалось чем-то таким ответственным.

Фрида начинает плакать. Ей нужно рассказать судье о доме ее разума, о доме ее тела. Эти дома стали чище, у них теперь меньше страхов. Она больше никогда не оставит Гарриет одну.

* * *

Социальная работница все время переносит дату следующего посещения. С сентября на октябрь, и к четвертому переносу привычный размер одежды становится слишком велик для Фриды. Она спит по четыре часа, иногда по три, иногда по два. У нее пропал аппетит. На завтрак – кофе и горсть миндаля. На ланч – фруктовый коктейль. На обед яблоко и два тоста с маслом и джемом.

Она два раза видела Уилла в кампусе, один раз столкнулась с ним в книжном магазине, один раз в «Старбаксе». Она попросила его перестать звонить ей, не позволила ему обнять ее на людях. Работает она медленно и беспорядочно. Иногда усаживается за свой стол, придя из туалета с явно заплаканным лицом. Ее босс определенно чувствует себя неловко, сталкиваясь с эмоциями. После еще нескольких

опозданий со сдачей материалов босс отменяет работу на дому. Ему жаль, что он отрывает ее от Гарриет, но организованность прежде всего.

– Я не хочу объясняться с отделом кадров, – говорит он.

– Этого больше не случится. Я вам обещаю. Просто у меня... – Проблемы дома, хочет сказать она.

Она раздумывала, не подыскать ли другое место, не уйти ли с работы, но ей нужна медицинская страховка. В Пенсильвании хорошие социальные гарантии. Ее отец воспользовался своими знакомствами, чтобы ее приняли.

Она лгала всем на работе. Профессора никогда не задают ей личных вопросов, но административный персонал состоит в основном из замужних женщин с детьми. Обычаи диктуют, чтобы они при малейшей возможности рассказывали о своих чадах. Никогда «Как у тебя дела?», а неизменно: «Как твой Томми?», «Как там Слоун?», «Как поживает Беверли?».

Фрида говорила им:

«У Гарриет новое словечко – “пузырь”».

«Гарриет хотела в зоопарк».

«Гарриет помешалась на сливочном печенье».

Она не говорит им, что Гарриет проходит курс терапии. Что Гарриет предположительно исцеляется в кабинете некоего назначенного судом детского психолога. Рени сказала, что детский психолог, вероятно, использует кукольный домик, чтобы вынудить Гарриет проявить свои чувства к кук-

ле-маме и кукле-дочери, он даст девочке карандаш и будет наблюдать, с какой силой она прижимает его к бумаге. Психолог будет отыскивать симптомы. Существует список травм, но каждый реагирует на травму по-своему. Фриде кажется, что все это построено на предположениях.

Она никому не говорит, что ее родители перевели десять тысяч долларов на оплату ее расходов на адвоката и пришлют еще, если понадобится, что они предлагали ей деньги из их накоплений на черный день. Их щедрость только усугубляет ее чувство вины, она недостойна быть их дочерью, недостойна быть матерью Гарриет, недостойна просыпаться по утрам.

Они прислали ей деньги, даже не спросив ее согласия. Их разговор с миз Торрес был довольно напряженным. Социальная работница просила их снова и снова повторять сказанное, говорить медленнее, словно не понимала их произношения. Они сказали, что она говорит как ненормальная. У нее тон фальшиво-дружелюбный, но она была холодна, как ученый. В ее устах «родительство» звучит как «ремонт машины». Аспект питания, аспект безопасности, аспект образования, аспект дисциплины, аспект любви. Они сказали социальной работнице, что Гарриет для Фриды – радость. Ее *бао бей*. Ее маленькое сокровище.

Ее мать сказала, что Фрида «глотает горечь». *Чи ку* – фраза, которую Фрида не слышала много лет. Они когда-то использовали это выражение, описывая то, что испытала ее ба-

бушка по отцу, ее *ахма*, во время Культурной революции. Ее отец иногда рассказывал эту историю – как оно было в ту ночь, когда *ахму* чуть не убили. Она была вдовой землевладельца. Солдаты пришли в их деревню за ней. Они поставили ее на колени, а ее сыновья в это время прятались под кроватью в комнате, которая служила им домом. Той ночью оба ее ребенка кричали так, что надорвали голосовые связки. Они видели, как солдат приставил пистолет к ее голове. Грозил ее застрелить.

Каждый раз, слушая эту историю, Фрида чувствовала себя виноватой. Избалованной и бесполезной. Она так никогда и не освоила диалект *ахмы*, могла сказать ей разве что «привет» и «доброе утро». Она не могла спросить у своей любимой *ахмы*, что случилось. Но к голове Фриды никто не приставлял пистолет, солдатский сапог не становился на ее шею. Она сама принесла себе эту горечь.

* * *

Посещение должно начаться в пять часов. Конец октября, вечер вторника, восемь недель, как у нее забрали Гарриет, почти шесть недель, как она не держала дочь на руках. Социальная работница предупредила ее только за час.

Фрида обходит лужи. Хэллоуинские тыквы после вчерашнего дождя напитались влагой. Сезон ураганов длится теперь дольше. С муляжей паутины капает. Коллеги на работе спра-

шивали у нее про костюм Гарриет. Одной женщине она сказала, что Гарриет будет в костюме льва. Другой – божьей коровки.

В 4:58 она видит социальную работницу – та выходит из такси. Фрида подходит к ней, благодарит за назначенное посещение. У нее не было времени заскочить домой переодеться. К счастью, хотя она и сильно похудела, это не заметно под слоями шерсти – платье-свитер в черно-серую полоску, алый шарфик, закрученный высоко на шее.

Социальная работница не извиняется за множество отмен. Она не извиняется за то, что нарушает вечерний распорядок Гарриет. Они перекидываются несколькими словами о трафике и вчерашнем предупреждении о возможном смерче.

В квартире Гаста и Сюзанны повсюду горит свет, создавая атмосферу любви, здесь тепло, пахнет корицей. На их входной двери – венок из прутьев с сушеными ягодами, на столе в столовой – блюдо со всевозможными тыковками.

Фрида с тревогой отмечает, что Сюзанна и миз Торрес на дружеской ноге – они обнимаются. Фриду Сюзанна обнимает особенно сильно, как всегда. Она целует Фриду в обе щеки, спрашивает, как она держится.

– Выживаю. – Фрида смотрит на социального работника, чтобы убедиться, что та слышит и видит. – Спасибо тебе, что готовила ее к посещениям. Я знаю, что времени у тебя было в обрез. Я хочу, чтобы ты знала: я тебе благодарна...

– Ерунда. Я была рада. – Гаст с Гарриет в детской. – Она капризничает, – говорит Сюзанна. – Сегодня днем спала минут двадцать, не больше. Мы собирались покормить ее пораньше, но она мало поела. Возможно, тебе придется дать ей что-то перекусить. – Она берет их верхнюю одежду и приглашает сесть. Предлагает чай с десертом. Она испекла яблочный пирог без глютена.

Фрида говорит, у них нет времени, но миз Торрес с радостью соглашается. Десять минут они тратят на то, чтобы попить чаек, есть и болтать о пустяках.

Пирог из яблок великолепен. Фрида ест, хотя и против воли. Она с ненавистью смотрит, как дружески беседуют Сюзанна и социальная работница, обсуждая курточку, которую Гарриет оставила в кабинете миз Торрес, говорят о том, что на следующий сеанс Гарриет у миз Голдберг нужно взять для девочки какую-нибудь еду. Социальная работница делает комплимент длинному шелковому платью Сюзанны в «огурцах», ее золотым браслетам.

Сюзанна говорит, что они возьмут Гарриет в четверг на выпрашивание сладостей в Западной Филли. Дома вокруг Кларк-парк украшены лучше всего. Там соберется много детей. Будет вечеринка на Литтл-Осейдж-авеню. Гарриет будет в костюме Дороти из «Волшебника страны Оз». Они встретятся с Уиллом и еще несколькими друзьями.

При упоминании Уилла Фрида напрягается. Она делает слишком большой глоток чая, обжигает верхнюю десну.

– Вы собираетесь разрешить ей есть конфеты?

Социальная работница кладет вилку и начинает делать пометки.

– Не знаю насчет конфет. В большей степени это ради впечатлений. Жаль, что ты не сможешь быть с нами.

Сюзанна будет Железным Дровосеком. Гаст будет Страшилой.

– Плохо... – говорит Сюзанна. – Ты могла бы... Извините, Джанин. Пойду посмотрю, что там у них.

Фрида размазывает остатки десерта по тарелке. Облизывает вилку. Ее родители называют Сюзанну злым яйцом, белым призраком. Когда это закончится, она спросит у них, как сказать «шлюха» по-мандарински, так она и будет называть Сюзанну.

Когда появляется Гарриет, остается всего двадцать три минуты. Гарриет трет глаза. Она не сразу замечает Фриду, и та проецирует свои ночные кошмары в эту долю секунды. Социальная работница начинает снимать.

– Подойди ко мне, – говорит Фрида, широко раскинув руки.

Гарриет настоящая одновременно больше и меньше, чем Гарриет из ее грез наяву. Она, кажется Фриде, стала на год старше. У нее отросли волосы. Они стали более темными и курчавыми, спутанными. Она босиком, на ней платье из хлопка бежевого цвета – слишком легкая одежда для осени.

– Большая девочка, – говорит Фрида, голос у нее радост-

ный и сдавленный. – Я скучала без тебя, скучала. – Она целует Гарриет, трогает сыпь у нее на щеке. – Привет, красавица.

Они прижимают лоб ко лбу, нос к носу. Она извиняется, что задерживает Гарриет так поздно. Она спрашивает, понимает ли Гарриет, что происходит, почему мамочка здесь, что они будут делать, почему они должны немного поиграть, а не лечь в кроватку, как положено.

– Посещение, – говорит Гарриет, сильно ударяя гласные.

Она не хочет, чтобы ее дочь запоминала такие слова. По крайней мере, чтобы так запоминала.

– Мисс мамочка, – говорит Гарриет.

Фрида обнимает ее, но их грезы мимолетны. Социальная работница попросила Гаста и Сюзанну выйти ненадолго и вернуться ровно в 6:00. Когда Гарриет видит, что они идут к двери, она бросается следом, падает им под ноги.

Она хватается Сюзанну за щиколотки. Социальная работница просит Гаста и Сюзанну поторопиться. Гарриет кричит, они высвобождаются из ее хватки, обещая скоро вернуться, осторожно, чтобы не прищемить пальчики Гарриет, закрывают дверь.

Гарриет молотит руками в дверь, требует, чтобы папочка и Сью-Сью вернулись. Фрида умоляет ее успокоиться. Она пытается перенести Гарриет назад в гостиную – это похоже на ловлю рыбы голыми руками.

– Миз Лью, она может идти сама, – говорит социальная работница. – Не нужно вам ее носить.

Взаимодействие матери с дочерью состоит из просьб и отказов, догонялок и молений, устойчивого усиления ярости Гарриет. Содержимое ее короба с игрушками раскидано по полу. Гарриет ведет себя как ребенок, которого втайне избивают, она доводит себя до иступления, которое все нарастает, пока не заканчивается кровотечением из носа.

– Детка, прошу тебя, успокойся. Пожалуйста. Ну, пожалуйста.

Гарриет молотит ручками, задыхается собственными слезами. Она растирает кровь по лицу, вытирает окровавленные руки о белейший ковер. Кровь не останавливается. Социальная работница снимает, как Фрида пытается привести дочку в чувство, скручивает салфетки, засовывает их в ноздри дочери. Фрида пытается вспомнить, что делали ее родители и бабушка в таких случаях. Она давит рукой на лоб Гарриет, закидывает ей голову. Это первое носовое кровотечение ее дочери.

Когда кровь наконец останавливается, Фрида спрашивает разрешения взять Гарриет на кухню, чтобы напоить ее.

– Если только она пойдет сама, – говорит социальная работница.

Шаткой походкой она идет на кухню, ищет чашку-поильник, наполняет ее, потом уговаривает Гарриет попить, вытирает ее мокрый подбородок – на все это уходит время. Платье на Гарриет промокло. Она дрожит.

Фрида снимает с себя шарфик, накидывает на плечи Гар-

риет.

– Нет, детка, пожалуйста, не делай этого. – Гарриет слизывает кровь с пальцев. – Ты уже скоро-скоро пойдешь в постельку. Нет-нет. Не плачь. Посиди с мамочкой.

Они сидят, скрестив ноги, на кухонном полу спинами к плите. Фрида сидит в луже пролитой воды. Социальная работница говорит им, что у них осталось пять минут. Время для одной игры.

– Она вымоталась, – говорит Фрида. – Посмотрите на нее.

– Ну, если вы *так* хотите использовать ваши посещения...

– Прошу вас, миз Торрес, войдите в положение. Мы очень стараемся.

Фрида спрашивает, не проголодалась ли Гарриет. Гарриет отрицательно качает головой. Она лепечет, не произнося слов, забирается на колени Фриды. Фрида мечтала о мгновении, когда Гарриет устроится на руках матери, как в самом начале – мама и дочка вместе. Она целует Гарриет в горячий лоб. Она смачивает пальцы слюной, пытается снять остатки засохшей крови. Глаза Гарриет закрываются.

– Миз Лью, пожалуйста, разбудите ее. Это недопустимо.

Фрида игнорирует предупреждение. Ей нравится чувствовать, как вертится Гарриет, устраивается поудобнее. Гарриет доверяет ей. Гарриет прощает ее. Она бы не уснула на руках матери, если бы не чувствовала себя в безопасности.

* * *

Проходят дни, Фрида думает о социальной работнице не меньше, чем о новом любовнике. Она ни на минуту не расстается с телефоном, выставила звонок на максимальную громкость. Работница может позвонить в любой день. И она звонит, а потом отменяет назначение.

Социальная работница заявляет, что она по уши в работе. Может быть, для третьего посещения у нее не будет времени. – Но не волнуйтесь, – говорит она. – О ней хорошо заботятся.

Каждый вечер Фрида опускается на колени в темной детской, думает о ребенке, которого вырезали из ее тела, который должен быть рядом с ней, которого нет рядом с ней, нет по-настоящему вот уже восемь недель. Девять недель. Сейчас ноябрь, и Гарриет уже двадцать месяцев.

* * *

В утро судебных слушаний Фрида просыпается от холода. Ее одеяло лежит на полу, ноги запутались в простынях. Она спала с открытым окном, приглашая холод в дом ее разума и дом ее тела, в комнату, в которой она каждую ночь ждала возвращения дочери. Сейчас 5:14. Она закрывает окно, на-

девает халат, шлепает вниз и заставляет себя поесть. Целый рогалик со сливочным сыром. Десяток крекеров. Шоколадно-протеиновый батончик с морской солью. Кофе и зеленый чай. Вчера она набила свой холодильник цельным органическим молоком и сыром, местными яблоками, органическими куриными грудками, черникой. Она купила авокадо, крекеры для прорезающихся зубов и рисовые хлопья.

Рени сказала ей, чтобы она не теряла надежды. В худшем случае – еще несколько посещений под наблюдением. Но судья может одобрить и посещения без надзора, ночевки. Совместную опеку.

Фрида долго принимает душ, скребет себя мочалкой до боли, пока ее кожа не розовеет. Она тщательно сушит волосы и расчесывает челку круглой щеткой. Примеряет несколько улыбок перед зеркалом. Рени сказала: мягкие цвета на лице, распущенные волосы, небольшие сережки. Фрида купила новую одежду. У нее серые, не черные, брюки от портного. Кардиган цвета слоновой кости из мохера.

Она заканчивает одеваться, ее рвет завтраком. Она чистит зубы, выпивает бутылку сельтерской воды, заново наносит помаду. Рени сказала: после того как судья примет решение, все происходит быстро. Сегодня Гарриет останется дома с Сюзанной, а Гаст придет на слушание, но, вполне вероятно, Фрида сможет сегодня же увидеть дочку.

Считалось, что хорошее второе посещение отменяет укус, но укус вкупе с носовым кровотечением потребует от судьи

смелости, а судьи не расположены к этому, но Рени считает, что они смогут победить. Она бы не хотела быть бестактной, но судья, возможно, не будет смотреть на Фриду как на цветную. Она не черная и не коричневая. Она не вьетнамка, не камбоджийка. Она не нищая. Белые судьи склонны трактовать сомнения в пользу белых матерей, а Фрида достаточно «бледная».

Фрида берет такси до Сентер-Сити. Рени и Гаст уже ждут ее в фойе здания семейного суда, нового сооружения из стекла и бетона, которое занимает половину квартала за городской администрацией и Дилворт-парком, по другую сторону улицы от шикарного отеля «Ле Меридьен».

Они пропускают свои сумочки, бумажники и телефоны через рамки. Сами проходят через металлоискатель. Фрида считает, что Гасту не стоило надевать костюм. Она не видела его в костюме со дня их свадьбы, и сегодня его красота действует на нее отвлекающе.

Вид у него усталый. Она спрашивает, как спала Гарриет, как вела себя сегодня утром, объяснили ли они ей, какой это важный день, что тайм-аут вскоре закончится.

– Я бы объяснил, – говорит Гаст. – Но Джанин сказала нам, чтобы мы ничего не обещали.

Рени просит Фриду помолчать. Разговаривать здесь небезопасно. В лифте они стоят плечом к плечу с усталыми чиновниками штата и несчастными родителями. Гаст пытается перехватить взгляд Фриды. Фрида пытается помнить,

где она находится и почему, что она не может попросить Гаста, чтобы он обнял ее, насколько бы ни была насущна эта потребность. Рени пришла в ужас оттого, что Гаст держал ее за руку во время бракоразводного процесса. Гаст от этого явно чувствовал себя лучше, а Фрида – хуже, так зачем это делать, спрашивала Рени. Зачем его прощать?

Дверь лифта открывается на четвертом этаже. Миз Торрес ждет у регистрационного стола. Фрида регистрируется отпечатком пальца. Здесь четыре зала заседаний, у каждого своя зона ожидания, при каждом зале комнаты поменьше, там адвокаты и их клиенты могут вести приватные разговоры. Тут стоят пластмассовые выставочные стенды с брошюрками – где получить помощь психолога, помощь в поисках работы, помощь в получении льгот и жилья. Такое ощущение, что ты оказался в элитной больнице, отполированной, но мрачной, со скорбью, налипшей на стены. Из окон внутрь проникает утренний свет, ряды оранжевых стульев прикручены к полу, повсюду телевизионные экраны, по всем – программы, посвященные дому и садовым работам.

Фрида огляделась – она вроде здесь единственная азиатка. Гаст – единственный белый в костюме, не считая юристов. Телевизоры показывают передачу о ремонте ванной. Пара из Калифорнии хочет джакузи.

Фрида и Гаст сидят в последнем ряду. Социальная работница и Рени сидят по обе стороны от них. Фрида благодарит Гаста за то, что он взял выходной. Она хочет попросить его

о дополнительном времени с Гарриет. Они могут поменяться праздниками. Гаст может позволить ей взять Гарриет на День благодарения, а не на Рождество, а может быть, в свете событий последних двух месяцев он позволит ей и то и другое.

На экранах над ними эпизоды о ландшафтном проекте в Нью-Мехико, доме с бассейном в Коннектикуте, всевозможные рекламы – средства от эректильной дисфункции, страхования недвижимости, погружных блендеров, болеутоляющих, среди побочных эффектов которых – летальный исход.

Она смотрит, как служащие отеля по другую сторону улицы меняют постельное белье. Время идет, ряды заполняются. Родителей просят не шуметь. Появляются новые социальные работники, новые юристы. Некоторые родители, кажется, впервые видят своих адвокатов. Некоторые дети залезают на сиденья, сначала говорят со своими матерями, потом с отцами. Их родители сидят в разных рядах.

Каждый час Фрида уходит в туалет помыть руки и нанести новый слой пудры на лоб. Она все время потеет. Она уверена, у нее развивается язва. Рени иногда идет за ней в туалет и просит вернуться. Они переходят на другую сторону улицы, чтобы поесть, едят жирные сэндвичи, от которых живот у Фриды болит еще сильнее.

Появляется назначенный судом детский психолог. Миз Голдберг – белая, беременная, лет сорока с лишним, у нее

светлые волосы, короткая мальчишья стрижка и безмятежное лицо строго овальной формы, как с портретов Модильяни. Она тепло приветствует Фриду, говорит, рада познакомиться с ней наконец.

— Гарриет у вас особенная, — говорит она.

Миз Голдберг садится в одном ряду с Фридой и Гастом, как и адвокаты со стороны штата. Фрида жалеет, что не позволила родителям прилететь на слушания. Рени не хотела, чтобы они присутствовали. Она планирует построить речь на трудностях матери-одиночки. Судье не обязательно знать, что у Фриды есть ресурсы, что она могла бы попросить родителей заплатить за ясли, что могла бы попросить их заплатить за аренду, и тогда могла бы работать на неполную ставку.

Но они уже и без того помогали ей, когда она была в магистратуре. Они оплачивали ей аренду, когда она жила в Бруклине. Они оплачивали услуги адвоката во время бракоразводного процесса, дали ей деньги на машину, на мебель. Ей почти сорок. К этому возрасту ее родители владели недвижимостью. У них был собственный дом. Они и поддерживали с полдюжины родственников.

Они ждут новостей. Они приедут в Филли повидаться с Гарриет, как только будет получено разрешение. Фрида смотрит на людей, которые в слезах покидают зал судебных заседаний. Она слышит крики. Выводят отца в наручники. Пары спорят. Приставы грубят социальным работникам, со-

циальные работники грубят родителям, адвокаты отправляют эсэмэски.

На улице начинает темнеть. Фрида смотрит на свое отражение, появившееся в окне. Помещение пустеет. Рени говорит, что им, возможно, придется прийти завтра утром. Миз Торрес несколько раз вызывают в зал давать показания. Гаст приносит Фриде бутылки с водой. Приносит какую-то закуску из автомата, предлагает поесть. Отправляет сообщение Сюзанне, узнает, что Гарриет отказывается спать. Он звонит боссу, спрашивает, можно ли ему взять еще один выходной – завтра.

– Да, ситуация с моей дочерью, – говорит он.

Фрида переводит взгляд с одной из четырех дверей на другую. Ей необходимо знать, в каком зале будет проходить заседание, перед каким судьей она предстанет, будет ли он строгим или снисходительным, что скажет миз Торрес, что скажет детский психолог, что, по мнению штата, они знают про нее. Ей необходимо взять дочку на руки, поцеловать ее, рассказать ей о двух прошедших месяцах. Ее комната готова. В доме чисто. Холодильник битком набит. Гарриет не обязательно больше встречаться с этими незнакомыми людьми. Мамочка больше ни дня не пропустит, ни недели.

Фрида продолжает ждать. Она смотрит на часы. Здание суда закрывается в пять. В 4:17 пристав называет ее имя.

Когда Фрида была ребенком, у нее отсутствовало чувство направления. Север – значит вверх, юг – значит вниз, в землю, а восток и запад она вообще не понимала. У нее с дорогами установились напряженные отношения, водить машину она стала только в возрасте тридцати шести лет, после двух десятилетий всяких отговорок, ссылок на отсутствие пространственной координации и парализующий страх, который охватывает ее при перемене полосы движения. Одна из причин, по которой она любила Нью-Йорк, и состояла в том, что там ездить на машине было не обязательно. Она никогда не думала, что ей будет не хватать этого, но во время этой поездки на автобусе она завидовала водителям в соседней полосе: женщине с тремя орущими детьми, тинейджеру, набирающему сообщение на телефоне, водителю в развозном фургоне. Сейчас конец ноября. Понедельник перед Днем благодарения, четыре недели с того дня, как она в последний раз видела Гарриет, одиннадцать недель после ее очень плохого дня, и Фрида собирается изменить свою жизнь.

Судья семейного суда сказала, что она должна это сделать. Матери уехали до рассвета. Они собрались в здании семейного суда в шесть утра, попрощались с друзьями и родственниками, сдали свои телефоны. Им было сказано прий-

ти без всего, с одной только сумочкой. Без багажа, без одежды, без предметов гигиены, без косметики, без украшений, без книг, без фотографий. Без оружия, режущих предметов, алкоголя, сигарет, лекарств. Их сумочки обыскали, тела обшарили. Пропустили через сканер. У одной из матерей в животе был пакетик с марихуаной. Другая проглотила упаковку таблеток. Этих двух не пустили в автобус.

Мать рядом с Фридой просит позволить ей посмотреть в окно. Они покидают город. Вдоль дороги висят американские флаги в количестве, которое вызывает тревогу.

– Сколько, блин, еще ехать? – спрашивает эта мать.

Фрида не знает. У нее нет часов, но уже светает. Она не следила за дорожными указателями, ее отвлекали голод, жажда, цыпки на коже и сопли. Мысли о Гарриет.

Мать рядом с ней – белая, лет двадцати с лишком, усталая крашенная блондинка с игривыми голубыми глазами. На руках у нее татуировки, изображающие розы и паутину. Она старательно соскребывает лак с ногтей, оставляя горку чешуек на откидном столике сиденья перед ней.

Фрида вытаскивает из сумочки список первоочередных дел и проверяет его еще раз. Она достает ручку и начинает рисовать спирали и сердечки. Она впервые за несколько дней может сидеть и ничего не делать. За последнюю неделю она уволилась с работы, разорвала договор аренды, закрыла дом, перевезла свои и Гарриет вещи на хранение, оплатила счета, заморозила кредитную карту и банковские счета, передала

на хранение Уиллу свои драгоценности и документы, сдала в аренду одному из друзей Уилла свою машину, попрощалась с родителями.

Уилл утром проводил ее на перекличку, держал за руку, пока не пришло время садиться в автобус. Последнюю ночь свободы она провела на его диване, она бы целовала его или спала в его постели, если бы смогла перестать плакать. Она не хотела, чтобы он раздевал ее и видел, что у нее аллергическая сыпь. Он хочет приехать к ней, писать ей письма и присылать посылки. Но ничего этого не разрешается.

Прошлым вечером Уилл приготовил ей рыбное жаркое, заставил съесть хлеб с маслом, кусочек шоколадного пирога. Словно она за один вечер могла восстановить потерянный вес.

Мать рядом с Фридой снимает пуховую курточку, наворачивает себе на поясицу. Фрида берется за подлокотник. Соседка начинает храпеть. Фрида разглядывает рисунки на руках женщины. Задавать вопросы или ссориться еще рано, но ей хочется спросить у этой женщины про ее ребенка. Потеряла ли она родительские права на одного ребенка или на нескольких. Она хочет спросить про возраст ребенка, узнать, отдали ли его на попечение в чужую семью или родственникам. Ей хочется знать, что сделала эта мать, случился ли у нее очень плохой день, или плохая неделя, или плохой месяц, или плохая жизнь, правда ли то, в чем ее обвинили, или они вывернули правду наизнанку и преувеличили до разме-

ров патологии.

Она хочет поболтать о слушаниях, сказать кому-нибудь, кто знает в этом толк, о судьбе Шейле Роджерс, которая сказала:

– Мы вас исправим, миз Лью.

Она удивлена, что у нее не лопнул какой-нибудь сосуд, что она не упала в обморок, что Гаст плакал громче, чем она.

– Мы даем вам возможность поучаствовать в новой программе реабилитации, – сказала судья. – Вы пройдете год наставлений и тренировок. Будете жить в месте переподготовки. С такими же женщинами, как и вы.

Судья сказала, что таков ее, Фриды, выбор.

Чтобы вернуть Гарриет, Фрида должна научиться быть матерью. Она должна продемонстрировать способность к истинным материнским чувствам и привязанности, отточить свои материнские инстинкты, доказать, что ей можно доверять. В следующем ноябре штат решит, достаточно ли она продвинулась. Если нет, то ее лишат материнских прав.

– Вы должны будете пройти наши испытания, – сказала судья.

У судьи Роджерс были седые выющиеся волосы, пластиковый ободок. Фрида решила, что для судьи это неподходящий, практически оскорбительный аксессуар. Она запомнила родинку рядом с носом судьи, ее голубой шелковый платок. Она помнит, как наблюдала за движениями губ судьи.

Судья почти не дала Рени шанса вставить хоть слово. Ад-

вокат от штата сказал, что нерадивость Фриды выходит за всякие рамки. Полиция представила изобличающий отчет, подтвердила, что безопасность ребенка стояла у нее на втором месте после работы. С ребенком могло произойти что угодно. Кто-нибудь мог похитить Гарриет, надругаться над ней, убить ее.

Люди из Службы защиты ребенка представили описание характера Фриды. Они отметили, что к ней на протяжении шестидесяти дней никто не приходил. Вскоре после начала мониторинга было отмечено резкое уменьшение поступавших ей электронных писем, не связанных с работой, сообщений и телефонных звонков. Несколько раз она, видимо намеренно, оставляла телефон дома.

Они выражали озабоченность касательно ее питания, потери веса, бессонницы. Называли ее поведение непредсказуемым. Первоначальное заявление об усталости, вызванной перегруженностью, не подтверждается ее поведением после происшествия, когда она за одну ночь вычистила дом. Анализ ее высказываний показал наличие чувства обиды и гнева, отсутствие раскаяния, склонность к жалости к себе. Ее эмоциональная ориентация направлена внутрь, а не на ребенка и сообщество.

– Мне не нравится отношение миз Лю, – сказала социальная работница. – Со мной она была упрямой. Раздражительной. С Гарриет – навязчивой.

Социальная работница сказала, что Фрида огрызалась.

Что не выполняла указаний. Требовала к себе особого отношения. Не умела устанавливать границы. Взять укус, носовое кровотечение и инволюционное развитие Гарриет: она стала ползать, хотя уже умела ходить, просилась на руки, залезала к матери на колени, вела себя в большей степени как грудной ребенок, хотя уже вышла из этого возраста. Или вот: мать поставила ребенка в ходунки в день происшествия. Она использовала неприемлемое с точки зрения развития ребенка оборудование, чтобы девочка была ограничена в движениях и не путалась под ногами.

– Я не думаю, что мы можем полностью исключить физическое, или эмоциональное, или вербальное насилие, – сказала социальная работница. – Откуда мы знаем, что она никогда не была Гарриет? Может быть, она не оставляет синяков. Соседи сказали мне, что слышали крики.

Назначенный судом психолог счел Фриду недостаточно раскисающейся. Она настроена враждебно по отношению к другим опекунам дочери. Фрида – нарцисс, у нее проблемы с умением держать себя в руках, с самоконтролем. Они представили ее медицинскую карту: диагноз – клиническая депрессия в девятнадцать лет, более семнадцати лет на антидепрессантах. Панические атаки, тревожность, бессонница. Эта мать неустойчива. Она лгала о своем душевном здоровье. О чем еще она лгала?

Автобус сворачивает на мост. Впереди пробка. Водитель едет вплотную к машине перед ним. Фрида смотрит на за-

мерзшую реку. Теперь редко случаются такие морозы. В прошлом году в январе цвела вишня.

В следующем ноябре Гарриет будет тридцать два месяца. У нее прорежутся все зубы. Она будет говорить предложениями. Фрида пропустит ее второй день рождения, ее первый день в детском садике. Судья сказала, что ей разрешаются еженедельные переговоры по «Скайпу» – десять минут каждое воскресенье. «Поверьте мне, – сказала судья. – Я тоже мать. У меня двое детей и четверо внуков. Я прекрасно понимаю, что вы чувствуете, миз Лью».

Фрида прислоняет голову к стеклу. Сюзанна обязательно должна надеть сегодня Гарриет шапочку. Она слишком уж бездумно относится к одеванию Гарриет в холодные дни. Кровь ударяет в лицо Фриде. Ей хочется знать, когда Гарриет проснулась сегодня, что Гарриет делает сейчас, что Гарриет будет есть на завтрак, передает ли Гаст каждый день привет от нее, как обещал. «Мамочка любит тебя. Мамочка скучает без тебя. Мамочка так жалеет, что не может быть с тобой. Мамочка скоро вернется».

* * *

Матери выходят из автобуса. Они щурятся и дрожат от холода. Разминают ноги, протирают глаза, сморкаются. На парковку перед спортивным манежем заезжают другие автобусы. Сколько же здесь будет матерей? У здания семейно-

го суда она насчитала восемьдесят шесть женщин. Рени сказала ей, что настоящие преступницы – убийцы, похитительницы детей, склонные к насилию, растлительницы, торговли детьми, порнографистки – все еще отправляются в тюрьмы. Большинство матерей, с которыми имеет дело СЗР, обвиняются в небрежении. Так происходит вот уже несколько лет.

– Наблюдение обеспечивает безопасность, – сказала ей Рени. – Я надеюсь, никто не будет выходить за рамки.

На такую же волну Фрида настраивала и своих расстроенных родителей.

Охрана ведет матерей с парковки на широкую аллею, высаженную дубами. Они словно оказались во Франции. В загородном имении. Они идут минут десять. Фрида слышит, как кто-то из охраны говорит, что они направляются к «Пирс-холлу». Впереди здание серого камня с окнами в белых рамах, высокими белыми колоннами, серой купольной крышей.

У входных дверей стоит белая женщина в розовом халате, по бокам от нее два охранника.

Рене полагала, что их отправят куда-то в уединенное место, но матери оказались в здании прежнего колледжа свободных искусств, одного из многих обанкротившихся в последнее десятилетие. Фрида побывала здесь двадцать два года назад, когда с родителями подыскивала для себя учебное заведение. Она до сих пор помнит подробности. Родители тысячу раз их обсуждали, потому что именно его выбрали

для дочери. Здесь территория в четыреста акров для тысячи шестисот студентов, две рощи, пруд. Амфитеатр под открытым небом. Свой дендрарий. Туристические маршруты. Ручей.

Колледж был основан квакерами. Тут еще остались велосипедные парковки. Бачки для мусора. Доски объявлений с торчащими из них скобками степлера. Белые садовые стулья. Голубые лампы аварийного освещения и будки таксофонов. Кажется, она должна почувствовать облегчение Она воображала себе комнаты без окон, подземные бункеры, одиночное заключение и побои. Но они в минутах ходьбы от важной трассы. Кампус – мир ей знакомый. У охранников нет оружия, а матери не в наручниках. Они все еще часть общества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.